

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ТЕСС ГЕРРИТСЕН

В жанре остросюжетного детектива
вряд ли найдется второй такой
талантливый автор.

Ли Чайлд

ДВОЙНИК

Герритсен умеет создавать запоминающихся героев и загадочные сюжеты,
которые, невзирая на кажущуюся простоту, достаточно сложны и запутанны.

The Washington Post

**Тесс Герритсен
Двойник**

© И. Литвинова, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская
Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство АЗБУКА

* * *

Посвящается Адаму и Даниэле

Благодарности

Труд писателя – это труд одиночки, но в действительности ни один автор не работает сам по себе. Мне посчастливилось получать помощь и поддержку от Линды Марроу и Джины Сентрелло из издательства «Баллантайн букс», Мег Рули, Джейн Берки, Дона Клири и великолепной команды Агентства Джейн Ротрозен, а также от Селины Уокер из издательства «Трансуорлд» и, конечно же, от самого главного человека – моего мужа Джекоба. Я глубоко признательна всем вам!

Пролог

Этот парень опять наблюдал за ней.

Четырнадцатилетняя Алиса Роуз попыталась сосредоточиться на десяти экзаменационных вопросах, лежавших перед ней на парте, но мысли ее были далеки от начального курса английского; думала она об Элайдже. Она чувствовала на себе взгляд мальчика, который, словно луч солнца, падал на ее лицо, обжигал щеку, и она знала, что краснеет.

«Сосредоточься, Алиса!»

Следующий вопрос экзаменационного листа, размноженного на ротаторе, был распечатан нечетко, и ей пришлось сощуриться, чтобы прочитать его.

«Чарльз Диккенс зачастую подбирает имена, соответствующие характеристикам его героев. Приведите несколько примеров и объясните, почему герои получили именно такие имена».

Алиса грызла кончик карандаша, вымучивая ответ. Но она не могла думать, когда за соседней партой сидел он, так близко, что она улавливала исходящие от него ароматы хвойного мыла и костра. Мужские запахи. Диккенс, Диккенс... Разве можно думать о Чарльзе Диккенсе, Николасе Никльби и скучном английском, когда на тебя смотрит красавец Элайджа Лэнк? Господи, он такой красивый, этот брюнет с голубыми глазами! Глазами Тони Кертиса. Да, именно так подумала она, когда впервые увидела Элайджу: копия Тони Кертиса, который улыбался со страниц ее любимых журналов «Современный экран» и «Фотоплей».

Алиса опустила голову, волосы упали на лицо, и она украдкой, за ширмой светлых прядей скосила взгляд в его сторону. Убедившись в том, что он действительно смотрит на нее, и совсем не тем пренебрежительным взглядом, которым ее окидывали другие мальчишки в школе, эти злые пакостники, в присутствии которых она становилась неуклюжей и тупой, девочка почувствовала, как

заколотилось сердце. Мальчишки всегда насмешливо шептались у нее за спиной, но так тихо, что она не могла разобрать ни слова. Она знала: шепчутся о ней, потому что смотрят на нее. Эти же мальчишки прикрепили к ее шкафчику в раздевалке фотографию коровы, они же мычали, когда попадались Алисе в коридоре. Но Элайджа... Он смотрел совсем по-другому. Обволакивающим взглядом. Взглядом кинозвезды.

Она медленно подняла голову и смело встретилась с ним глазами, на этот раз не прячась за спасительной завесой волос. Его экзаменационная работа уже была написана и лежала лицевой стороной вниз, карандаш отложен в сторону. Его внимание было приковано к Алисе; девочка едва дышала, околдованная его пристальным взглядом.

«Я ему нравлюсь. Я это знаю. Я нравлюсь ему».

Она прижала руку к шее над верхней пуговицей блузки. Ее пальцы пробежали по коже, оставляя на ней теплый след. Алиса вспомнила пылкий взгляд Тони Кертиса, устремленный на Лану Тернер, – взгляд, от которого пропадает дар речи и дрожат колени. Взгляд, за которым неизменно следует поцелуй. Почему-то именно в такие моменты изображение на экране становится размытым. Почему так? Почему четкость пропадает именно на том эпизоде, который больше всего хочется увидеть?..

– Класс, время вышло! Пожалуйста, сдавайте работы.

Внимание девочки снова вернулось к экзаменационному листу, лежавшему на парте; на половину вопросов она так и не ответила. О нет! Когда же прошло время? Она ведь знает ответы. Ей не хватило всего нескольких минут...

– Алиса! Алиса!

Девочка подняла голову и увидела, что госпожа Мериуэзер уже тянет к ней руку.

– Ты что, не слышишь меня? Пора сдавать работу.

– Но я...

– Никаких оправданий! Пора научиться слушать, Алиса. – Госпожа Мериуэзер выхватила у девочки листок и двинулась дальше по рядам.

Хотя Алиса и не слышала, о чем шептались девчонки на задней парте, она не сомневалась, что сплетничают о ней. Девочка обернулась и увидела, как они хихикают, склонив друг к другу головы и заговорщически прикрывая рот ладонью. «Алиса может понять по губам, что мы говорим о ней, она не должна этого видеть».

Вот уже и мальчишки начали смеяться, показывая на нее пальцем. Что здесь смешного?

Алиса посмотрела на себя. И с ужасом обнаружила, что верхняя пуговица оторвалась и блузка разошлась на груди.

Прозвенел звонок, возвещающий об окончании уроков.

Алиса подхватила портфель, прижала его к груди и выбежала из класса. Она не осмеливалась поднять глаза, просто шла, опустив голову и чувствуя, как к горлу подступают рыдания. Она бросилась в туалет и заперлась в одной из кабинок. Пока другие девочки весело щебетали, прихорашиваясь перед зеркалами, Алиса пряталась за закрытой дверью. Она улавливала запахи их духов и каждый раз, когда открывалась дверь, чувствовала, как врывается в помещение струя воздуха. Эти «золотые» девочки в новеньких свитерах по последней моде! Они никогда не теряли пуговиц, никогда не приходили в школу в юбках, которые просились на помойку, в туфлях с картонными подошвами.

«Уходите. Пожалуйста, уходите отсюда».

Наконец дверь туалета перестала открываться.

Прижавшись ухом к двери кабинки, Алиса пыталась расслышать, есть ли кто-нибудь в помещении. Сквозь щелку она увидела, что перед зеркалом никого нет. И только тогда осмелилась выйти.

В коридоре тоже было пусто, все разошлись по домам. Больше некому мучить ее. Она шла съезжившись, словно желая защититься, по длинному коридору с обшарпанными раздевалками и постерами, объявлявшими о предстоящем через две недели танцевальном

вечере по случаю Хеллоуина. Вечере, на который она, разумеется, не пойдет. Унижение, испытанное на дискотеке неделю назад, до сих пор жгло душу и, наверное, останется с ней навсегда. Два часа она подпирала стену в ожидании, в надежде, что кто-нибудь из мальчиков пригласит ее на танец. Наконец к ней все-таки подошел парень, но вовсе не для того, чтобы потанцевать. Вместо этого он вдруг согнулся, и его вырвало прямо ей на туфли. Все, с тех пор с танцами покончено. Она прожила в этом городе всего два месяца, но ей уже хотелось, чтобы мать в очередной раз собрала их пожитки и они переехали на новое место, где можно было бы начать все сначала. Где все наконец пошло бы по-другому.

«Только всегда все оставалось по-прежнему».

Она вышла из школы и зажмурилась от яркого осеннего солнца. Склонившись над своим велосипедом, она так сосредоточилась на отпирании замка, что не услышала шагов. Только когда на лицо ее упала тень, она поняла, что рядом стоит Элайджа.

– Привет, Алиса.

Она резко вскочила, опрокинув велосипед на землю. О господи, какая же она идиотка! Как можно быть такой неуклюжей?

– Трудный был экзамен, правда?

Он говорил медленно и внятно. Это было еще одно достоинство Элайджи; в отличие от других детей он выражался предельно ясно, и голос его звучал уверенно. И никогда не прятал от нее губы. Он знает мой секрет, подумала она. И все равно хочет со мной дружить.

– Ты успела ответить на все вопросы? – спросил мальчик.

Она нагнулась, чтобы поднять велосипед.

– Я знала ответы. Мне просто не хватило времени.

Выпрямившись, девочка заметила, что Элайджа смотрит на ее блузку, которая разошлась из-за оторванной пуговицы. Вспыхнув, она скрестила на груди руки.

– У меня есть английская булавка, – сказал он.

– Что?

Он полез в карман.

– Я сам всегда теряю пуговицы. Это здорово достает. Давай я помогу тебе застегнуть.

Алиса затаила дыхание, когда он потянулся к ее блузке. Она с трудом сдерживала дрожь, пока Элайджа прокалывал ткань и застегивал булавку. «Интересно, он чувствует, как бьется мое сердце? – думала она. – Догадывается ли, что у меня кружится голова от его прикосновений?»

Когда он отступил, девочка перевела дух. Опустив взгляд, она заметила, что теперь блузка выглядит вполне пристойно.

– Так лучше? – спросил он.

– Да. – Алиса помолчала, чтобы собраться с силами. И произнесла с королевским достоинством: – Спасибо тебе, Элайджа. Ты очень внимателен.

Прошло немного времени. Над ними каркали вороны, а осенние листья казались яркими языками пламени, охватившего ветки деревьев.

– Ты могла бы мне кое в чем помочь, Алиса? – спросил он.

– В чем?

«Какой глупый-преглупый ответ! Ты должна была сказать „да“. Да, я все для тебя сделаю, Элайджа Лэнк».

– Я готовлю один проект по биологии. Мне нужен помощник, и я не знаю, к кому еще обратиться.

– А что это за проект?

– Я тебе покажу. Пойдем ко мне домой.

К нему домой. Она никогда еще не была в гостях у мальчика.

Она кивнула:

– Я только заброшу домой учебники.

Элайджа взял свой велосипед. Он был почти такой же разбитый, как у Алисы, с ржавыми крыльями и драным виниловым сиденьем. За этот старый велосипед она любила его еще больше. «Мы идеальная пара, – подумала она. – Тони Кертис и я».

Сначала они поехали к Алисе. Она не пригласила его зайти; ей не хотелось, чтобы он видел обшарпанную мебель и облупившуюся

краску на стенах. Она забежала в дом, бросила портфель с учебниками на кухонный стол и тут же выскочила на улицу.

К сожалению, за ней увязался Бадди, пес брата. Когда она выходила за дверь, он черно-белой молнией успел прошмыгнуть следом.

– Бадди! – рявкнула она. – Сейчас же домой!

– Похоже, он не очень-то слушается, – сказал Элайджа.

– Потому что он глупый пес. Бадди!

Дворняга оглянулся, вильнул хвостом и рванул на дорогу.

– Ничего страшного, – сказала она. – Он вернется домой, когда нагуляется. – Алиса села на велосипед. – Так где ты живешь?

– На Скайлайн-роуд. Ты бывала там когда-нибудь?

– Нет.

– Придется долго ехать в гору. Ты готова?

Она кивнула. «Для тебя я готова на все».

Они отъехали от дома. Алиса надеялась, что он свернет на Мейн-стрит и они проедут мимо кафешки, где после школы часто собирались одноклассники – гоняли любимые песни в музыкальном автомате, потягивали газировку. «Они увидят нас вместе, – думала она, – и у девочек от зависти челюсти отвалятся. Вы только посмотрите: Алиса с голубоглазым Элайджей!»

Но он не повез ее по Мейн-стрит. Вместо этого он свернул на Локаст-лейн, где почти не было жилых домов; вдоль переулка тянулись задворки нескольких офисных зданий и служебная автостоянка консервного завода «Дары Нептуна». Что ж, какая разница. Ведь главное, что она едет с ним. Держась чуть позади, она рассматривала его зад на пружинящем сиденье и напряженные бедра.

Элайджа обернулся к ней, его черные волосы танцевали на ветру.

– Все нормально, Алиса?

– Отлично.

По правде говоря, девочка уже выдохлась, поскольку дорога на выезде из городка резко пошла в гору.

Элайджа, должно быть, каждый день штурмовал Скайлайн-роуд, и ему было не привыкать; казалось, он ничуть не устал – его ноги двигались, как мощные поршни. А вот она с трудом заставляла себя крутить педали. Что-то мохнатое привлекло ее внимание. Она скосила взгляд и увидела, что Бадди бежит следом. Пес тоже выглядел уставшим; высунув язык, он изо всех сил старался не отстать.

– Иди домой!

– Что ты сказала? – оглянулся Элайджа.

– Опять эта глупая собака, – еле дыша, вымолвила Алиса. – Он не отстанет. Еще потеряется...

Она свирепо взглянула на Бадди, но тот продолжал петлять вокруг велосипеда. «Что ж, валяй, – подумала она. – Изматывай себя. Мне наплевать».

Они взбирались на гору по причудливому серпантину. Сквозь деревья проглядывал Фокс-Харбор, оставшийся далеко внизу; послеполуденное солнце окрашивало воду в медный цвет. Заросли становились все гуще, и вскоре Алиса могла видеть только лес в ярко-красных и оранжевых тонах. Впереди извивалась дорога, устланная опавшей листвой.

Наконец Элайджа затормозил. У Алисы от усталости дрожали ноги, и она едва стояла. Бадди пропал из поля зрения; она надеялась только на то, что пес сумеет найти дорогу домой, потому что не собиралась искать его. Только не сейчас, когда рядом стоит Элайджа, улыбается ей и смотрит своим лучистым взглядом. Мальчик прислонил велосипед к дереву и перекинул через плечо рюкзак.

– Ну и где твой дом? – спросила она.

– Вон там, дальше. – Он показал на дорогу, на обочине которой стоял столб с ржавым почтовым ящиком.

– Разве мы не пойдем к тебе?

– Нет, у меня двоюродная сестра болеет. Ее всю ночь рвало, так что домой нельзя. В любом случае мой проект здесь, в лесу. Оставляй свой велосипед. Дальше пойдем пешком.

Алиса поставила велосипед и последовала за ним. После подъема на гору ноги казались ватными. Они углубились в лес. Деревья росли густо, земля под ногами была покрыта толстым ковром листвы. Алиса храбро шла за мальчиком, отмахиваясь от комаров.

– Так, значит, сестра живет с тобой? – спросила она.

– Да, она приехала к нам в прошлом году. Боюсь, это надолго, если не навсегда. Ей негде больше жить.

– А твои родители не возражают?

– У меня только отец. Мама умерла.

– Ох!

Она не знала, что сказать. В конце концов пробормотала банальное: «Мне очень жаль», но он, похоже, не расслышал.

Заросли становились все гуще, и кусты ежевики больно царапали голые ноги. Она с трудом поспевала за ним. Юбка цеплялась за колючие ветки, и вскоре Алиса сильно отстала.

– Элайджа!

Он не ответил. Словно отважный путешественник, мальчик упрямо шел вперед с рюкзаком на плече.

– Подожди!

– Ты хочешь увидеть это или нет?

– Да, но...

– Тогда иди.

В голосе Элайджи чувствовалось нетерпение, и это ее удивило. Стоя в нескольких метрах от него, девочка заметила, что его руки сжались в кулаки.

– Хорошо, – слабым голосом пролепетала она. – Я иду.

Вскоре показался просвет, и они вышли на поляну. Алиса увидела старый каменный фундамент – все, что осталось от заброшенной фермы. Элайджа обернулся к ней, и лицо его озарилось отблеском вечернего солнца.

– Это здесь, – сказал он.

– Что это?

Он нагнулся и отодвинул две деревянные доски, за которыми показалась глубокая яма.

– Загляни сюда, – сказал он. – Я три недели ее выкапывал.

Алиса медленно подошла к углублению и посмотрела вниз. Солнце уже садилось за деревья, и дно ямы утопало в тени. В самом низу девочка смогла различить лишь слой опавших листьев. По краю ямы спускалась веревка.

– Это что, ловушка для медведя или что-то в этом роде?

– Можно и так сказать. Если яму забросать сверху ветками, можно много кого поймать. Даже оленя. – Он показал рукой на дно. – Видишь это?

Девочка нагнулась. Что-то белое поблескивало сквозь листья на дне ямы.

– Что это?

– Это и есть мой проект. – Мальчик взялся за веревку и потянул.

На дне ямы зашуршали потревоженные листья. Алиса наблюдала, как натянулась веревка, когда Элайджа вытаскивал что-то из тени. Корзина. Он вытащил ее и поставил на землю. Когда мальчик смахнул листья, она поняла, что белело в глубине ямы.

Это был маленький череп.

Когда Элайджа разгреб все листья, показались кусочки черного меха и тонкие ребра. Узловатый хребет. Кости конечностей, тонкие, словно пруттики.

– Ну как тебе? Уже и не пахнет, – сказал он. – Пролежал здесь почти семь месяцев. Когда я проверял в последний раз, на нем оставалось немного мяса. А теперь все чисто. В мае, когда стало тепло, процесс разложения пошел быстрее.

– Что это?

– Не догадываешься?

– Нет.

Элайджа приподнял череп и слегка провернул его, отделяя от позвоночника. Девочка поморщилась, когда он пихнул череп ей в лицо.

– Не надо! – вскрикнула она.

– Мяу!

– Элайджа!

– Ну, ты же сама спрашивала, что это.

Она уставилась в пустые глазницы.

– Кошка?

Он достал из рюкзака полиэтиленовый пакет и начал складывать туда кости.

– Что ты собираешься делать с этим скелетом?

– Это мой научный проект. От котенка до скелета за семь месяцев.

– Где ты взял кошку?

– Нашел.

– Ты нашелдохлую кошку?

Он взглянул на нее. Голубые глаза улыбались. Но взгляд уже не напоминал о Тони Кертисе; этот взгляд пугал ее.

– Кто сказал, что она быладохлой?

У нее вдруг сильно забилося сердце. Она попятилась.

– Знаешь, мне, пожалуй, пора домой.

– Зачем?

– Уроки. Мне надо делать уроки.

Он легко вскочил на ноги. Улыбка исчезла, сменившись тайным предвкушением.

– Я... увидимся в школе, – пробормотала Алиса, продолжая пятиться назад и оглядываясь по сторонам.

Кругом был все тот же лес. Откуда они вышли? Куда теперь идти?

– Но мы ведь только пришли, Алиса.

Он что-то держал в руке. Только когда он занес предмет над головой, девочка поняла, что это.

Камень.

От удара Алиса упала на колени. Она оказалась в грязи, в глазах почернело, руки и ноги онемели. Она не чувствовала боли, только тупое удивление от того, что он ударил ее. Она поползла куда-то, ничего не видя перед собой. Элайджа схватил ее за щиколотки и

потащил назад. Волоча ее за ноги, он расцарапал ей лицо о землю. Она пыталась брыкаться и кричать, но рот забился грязью и травой, а Элайджа все тянул ее к яме. Когда она почувствовала, что уже падает туда, девочка уцепилась за молодое деревце и изо всех сил старалась удержаться.

– Отпусти, Алиса, – сказал он.

– Вытащи меня! Вытащи меня!

– Я же сказал, отпусти. – Элайджа схватил камень и ударил ее по руке.

Она закричала, ослабила хватку и тут же провалилась в яму, приземлившись на подстилку из листьев.

– Алиса! Алиса!

Ошеломленная падением, она посмотрела вверх и увидела кусочек неба над головой. На его фоне выделялся силуэт Элайджи. Он заглядывал в яму.

– Зачем ты это делаешь? – всхлипнула она. – Зачем?

– Лично против тебя я ничего не имею. Я просто хочу посмотреть, сколько времени это займет. Котенку хватило семи месяцев. А сколько понадобится тебе?

– Ты не сможешь так поступить со мной!

– Прощай, Алиса.

– Элайджа! Элайджа!

Доски закрыли дыру, и свет померк. Больше она не видела неба. «Это неправда, – подумала она. – Это шутка. Он просто пытается напугать меня. Он подержит меня здесь несколько минут, а потом вернется и выпустит. Конечно же, он вернется».

Потом что-то застучало по доскам. «Камни. Он заваливает доски камнями».

Алиса встала на ноги и попыталась вскарабкаться наверх, ухватившись за сухую лозу, которая тут же рассыпалась в ее руках. Она стала скрести землю ногтями, но так и не нашла, за что зацепиться, – всякий раз, чуть приподнявшись, девочка скатывалась назад. Ее крики пронзали темноту.

– Элайджа! – орала она.

Но ответом ей был только грохот камней по дереву.

1

Pensez le matin que vous n'irez peut-etre
pas jusqu'au soir,
Et au soir que vous n'irez peut-etre pas
jusqu'au matin

Каждое утро помни о том, что можешь не
дожить до вечера,
А каждый вечер – о том, что можешь не
дожить до утра

Памятная доска в парижских катакомбах

Выставленные в ряд поверх причудливого нагромождения больших берцовых и бедренных костей, черепа свирепо таращились пустыми глазницами. В двухстах метрах над ней парижские улицы были залиты июньским солнцем, а доктор Маура Айлз ежилась от холода, путешествуя по мрачной галерее, стены которой до самого потолка были выложены человеческими останками. Она была знакома со смертью даже чересчур хорошо и неоднократно встречалась с ней лицом к лицу, проводя вскрытия на секционном столе, но эта экспозиция поражала ее своим размахом. Сколько же костей хранилось в системе туннелей под Городом Света! Маршрут протяженностью в километр позволил ей увидеть лишь малую часть парижских катакомб. Недоступными для туристов оставались многочисленные боковые туннели и набитые костями камеры, чьи

зияющие пасти манили даже через запертые ворота. Здесь покоились останки шести миллионов парижан, которые когда-то ощущали тепло солнца, голодали, мучились от жажды, любили, чувствовали биение собственных сердец, движение воздуха в легких. Они и представить себе не могли, что придет день, когда их кости выкопают из священных могил и переместят в этот мрачный подземный склеп.

Когда они станут экспонатами, на которые будут дивиться толпы туристов.

Полтора века назад, чтобы расчистить место для свежего притока покойников на переполненные парижские кладбища, отцы города распорядились эксгумировать кости и перевезти их в просторные ячейки древних подземных каменоломен. Рабочие, перевозившие кости, не стали бездумно сваливать их в кучи, а выполнили свою скорбную миссию с фантазией, создав из останков причудливые композиции. Словно искусные каменотесы, они выстроили высокие стены из чередующихся рядов черепов и костей, превратив разложение в произведение искусства. И они же повсеместно развесили дощечки с выгравированными на них мрачными изречениями, чтобы напомнить всем, кто бродил по этим коридорам: смерть не щадит никого.

Одна из таких дощечек попала на глаза Мауре, и она остановилась, чтобы прочитать ее. Она силилась вспомнить значение французских слов, которые когда-то учила в высшей школе, а тем временем по коридорам пронеслось гулкое эхо неуместного детского смеха, прошелестел обрывок фразы, произнесенной мужским голосом с техасским акцентом:

– Как тебе это местечко, Шерри? У меня мурашки по коже...

Пара из Техаса прошла мимо, и голоса растворились в тишине. На мгновение Маура осталась одна в камерах, дышащих пылью веков. В тусклом мерцании лампочки была заметна зеленоватая плесень, проступившая на черепах. Во лбу одного из них зияла одинокая дырка от пули, похожая на третий глаз.

«Я знаю, как ты умер».

Холод туннеля пробирал ее до костей. Но она продолжала стоять, полная решимости понять надпись, подавить в себе страх с помощью бесполезной интеллектуальной головоломки. Давай, Маура. Три года изучала французский и не можешь справиться? Теперь это стало для нее делом чести, и все мысли о смертности на время ушли на второй план. Постепенно слова стали приобретать смысл, и она почувствовала, как кровь стынет в жилах...

Счастлив тот, кто знает час своей смерти
И каждый день готовится к концу.

Она вдруг заметила, что вокруг стало очень тихо. Ни голосов, ни эха шагов. Она развернулась и вышла из мрачного помещения. Как же она отстала от группы? Осталась одна в этом туннеле, наедине с мертвыми. Сразу возникли мысли о неожиданных сбоях в электроснабжении, о перспективе заблудиться в кромешной тьме. Маура слышала рассказ о том, как сто лет назад парижские рабочие заблудились в катакомбах и умерли с голода. Она ускорила шаг, чтобы догнать туристов, вновь оказаться среди живых. В этом лабиринте особенно остро ощущалось дыхание смерти. Казалось, черепа смотрят на нее с негодованием и шестимиллионный хор бранит ее за праздное любопытство.

«Когда-то мы были живыми, как ты. Думаешь, тебе удастся избежать нашей участи?»

Наконец она выбралась из катакомб на залитую солнцем улицу Реми-Дюмонсель и жадно глотнула свежего воздуха. Впервые она обрадовалась шуму городского транспорта, плотной толпе прохожих, как будто заново родилась. Краски казались ярче, лица приветливее. «Мой последний день в Париже, – подумала она, – а я только сейчас по-настоящему оценила красоту этого города».

Прошедшую неделю она в основном провела в залах заседаний, участвуя в работе Международной конференции по судебно-медицинской патологии. Времени на осмотр достопримечательностей выдалось крайне мало, и даже те экскурсии, которые предложили организаторы конференции, были так или иначе связаны со смертью и болезнями: медицинский музей, старый анатомический театр.

Катакомбы.

Какая ирония судьбы – самым ярким воспоминанием о Париже останется то, что связано с человеческими останками. «Нет, в этом есть что-то нездоровое, – пришла она к выводу, пока сидела в кафе, смакуя последнюю чашечку эспрессо и клубничное пирожное. – Всего через пару дней я снова окажусь в секционном зале среди нержавеющей стали, без солнечного света. А дышать придется холодным кондиционированным воздухом. И сегодняшний день покажется раем».

Никуда не торопясь, она старалась запечатлеть в памяти приятные мелочи, которые ее окружали. Аромат кофе, вкус сдобной выпечки. Опрятные бизнесмены, деловито прижимающие к уху мобильники, затейливые узлы шарфов на шеях дам. Она даже позволила себе пофантазировать, как это делают все американцы, попадающие в Париж: «А может, опоздать на самолет? И задержаться здесь, в этом кафе, в этом восхитительном городе, до конца дней своих?»

Но все-таки Маура поднялась из-за столика и взяла такси до аэропорта. Она оставила и свои фантазии, и сам Париж, мысленно пообещав себе непременно вернуться сюда. Только вот не знала, когда это случится.

Обратный рейс задержали на три часа. «Эти три часа я могла бы гулять вдоль Сены, – ворчала про себя Маура, томясь в зале ожидания аэропорта Шарль де Голль. – Или бродила бы по кварталу Маре, а то заглянула бы в „Ле Аль“»^[1]. Вместо этого она была вынуждена торчать в аэропорту, настолько переполненном, что даже

негде было присесть. Когда наконец она оказалась на борту самолета «Эр Франс», настроения уже не было, впрочем, как и сил. Одного бокала вина и бортпайка ей хватило, чтобы провалиться в глубокий сон без сновидений.

Она проснулась, только когда самолет начал снижаться над Бостоном. Голова раскалывалась, и заходящее солнце било прямо в глаза. Головная боль усилилась, когда Маура, уставившись на конвейерную ленту, по которой один за другим плыли чужие чемоданы, ждала багаж. Безжалостный стук в висках, сменивший боль, сопровождал ее томление в очереди на оформление претензии по утере багажа. К тому времени, когда она наконец села в такси с единственной сумкой ручной клади, уже стемнело, и ей хотелось только лечь в горячую ванну и принять солидную дозу анальгина. Она откинулась на спинку сиденья и снова задремала.

Ее разбудил внезапный скрип тормозов.

– Что такое? – услышала она голос таксиста.

Взволнованная Маура уставилась туманным взглядом на мигающие синие огни. До нее не сразу дошел смысл происходившего. Но когда стало понятно, что такси уже находится на ее улице, она очнулась и не на шутку взволновалась. Дорогу перегородили четыре патрульные машины со включенными проблесковыми маячками.

– Похоже, что-то случилось, – заметил водитель. – Это ведь ваша улица, верно?

– Да, и вон мой дом. В центре квартала.

– Где стоят полицейские машины? Вряд ли нам дадут проехать.

И словно в подтверждение слов таксиста к машине приблизился полицейский, знаком показывая, что следует развернуться.

Водитель высунул голову из окна:

– Мне нужно высадить пассажирку. Она живет на этой улице.

– Извини, приятель. Но весь квартал оцеплен.

– Знаете, я выйду здесь, – сообщила Маура, наклонившись к таксисту.

Она расплатилась, подхватила сумку и вылезла из машины. Только что она была вялой и сонной; но, окунувшись в тепло июньской ночи, почувствовала витавшее в воздухе напряжение. Маура двинулась по тротуару; ощущение тревоги нарастало по мере того, как она приближалась к дому, возле которого и были припаркованы патрульные машины. Неужели с кем-то из ее соседей случилась беда? В голове возникли самые мрачные гипотезы. Суицид. Убийство. Она подумала о Телушкине, холостом инженерере-робототехнике, который жил по соседству. Не был ли он мрачным, когда они виделись в последний раз? Вспомнила о лесбиянках Лили и Сьюзан, занимавшихся адвокатурой и обитавших с другой стороны, – их излишняя активность в деле защиты прав сексуальных меньшинств могла привести к печальным последствиям. Но вскоре Маура различила абсолютно живых соседей в толпе зевак, и ее мысли вернулись к Телушкину, которого среди зрителей не было.

Лили обернулась и заметила Мауру. Вместо того чтобы помахать рукой, она застыла, уставившись на соседку, и толкнула Сьюзан локтем. Та тоже обернулась, при виде Мауры у нее отвисла челюсть. Спустя некоторое время на нее с крайним изумлением смотрели уже все соседи.

«Почему они глазеют на меня? – подумала Маура. – Что я такого сделала?»

– Доктор Айлз? – Бруклинский патрульный тоже вылупился на нее. – Это... это ведь вы? – пробормотал он.

«Что за глупый вопрос», – подумала она.

– Это мой дом. Что происходит, офицер?

– Мм... – пропыхтел патрульный, – пожалуй, вам лучше пойти со мной.

Полицейский взял Мауру за руку и повел через толпу. Соседи мрачно расступались перед ней, словно освобождали проход приговоренному узнику. Их молчание казалось странным; тишину нарушало лишь потрескивание полицейских раций. Они подошли к желтой ленте оцепления, которую натянули между колышками, –

несколько штук красовались на лужайке господина Телушкина. «Он так гордится своим газоном и вряд ли этому обрадуется», – пронеслась у нее в голове нелепая мысль. Патрульный приподнял ленту, и Маура нырнула под нее, осознав, что попала на место преступления.

Она поняла, что это место преступления, заметив посреди лужайки знакомую фигуру. Даже издали Маура узнала детектива Джейн Риццоли из отдела убийств. На восьмом месяце беременности маленькая Риццоли выглядела спелой грушей в брючном костюме. Ее присутствие еще больше смутило Мауру. Что делает здесь, в Бруклине, бостонский детектив, ведь это не ее территория? Риццоли не замечала приближения Мауры; ее взгляд был прикован к автомобилю, припаркованному перед домом Телушкина. Явно расстроенная, она качала головой, ее растрепанные темные кудряшки прыгали во все стороны.

Первым Мауру заметил детектив Барри Фрост, напарник Риццоли. Он мельком взглянул на нее, потом быстро отвел взгляд, а затем резко, словно спохватившись, обернулся и, разом побледнев, уставился на Мауру. Не говоря ни слова, он потянул Риццоли за руку.

Джейн остолбенела, и на ее лице, которое то и дело озаряли синие вспышки проблесковых маячков, отразилось недоверие. Будто в трансе, она двинулась навстречу Мауре.

– Доктор, – тихо произнесла Риццоли, – это вы?

– А кто же еще? Почему меня все об этом спрашивают? Почему все глядят на меня, как на призрак?

– Потому что... – Риццоли запнулась. Тряхнула головой, потревожив непокорные кудряшки. – Господи! Я и сама чуть было не решила, что вы призрак.

– Что?

Риццоли повернула голову и крикнула в темноту:

– Отец Брофи!

Маура не заметила священника, который одиноко стоял в стороне. Он выплыл из тени, в темноте промелькнула белая стойка

воротничка. Его обычно красивое лицо осунулось и приобрело выражение сильного потрясения. Что здесь делает Даниэл? Священников вызывали на место преступления только по просьбе родственников жертвы, если им требовались совет и утешение. Господин Телушкин был не католиком, а иудеем. Ему священник был ни к чему.

– Вы не могли бы проводить ее в дом, святой отец? – попросила Риццоли.

– Кто-нибудь объяснит мне в конце концов, что здесь происходит? – не выдержала Маура.

– Идите в дом, док. Пожалуйста. Мы объясним позже.

Маура почувствовала, как рука отца Брофи скользнула по ее талии, этим он как бы говорил: сейчас сопротивляться не стоит. Нужно просто подчиниться просьбе детектива. Доктор Айлз позволила священнику отвести себя к передней двери дома, испытывая тайное возбуждение от тесного контакта с ним, от его теплого объятия. Он стоял так близко, что от волнения ей никак не удавалось справиться с замком. Хотя они были друзьями вот уже несколько месяцев, никогда еще Маура не приглашала отца Брофи к себе, и ее нынешняя реакция на его присутствие лишний раз напомнила о том, почему она так старательно держала дистанцию. Они вошли в гостиную, где уже горели светильники, включенные автоматическими таймерами. Маура остановилась возле дивана, не зная, что делать дальше.

Ситуацию спас отец Брофи.

– Сядьте, – сказал он, указывая на диван. – Я принесу вам что-нибудь выпить.

– Вы гость в моем доме. И это мне следовало предложить вам что-нибудь, – сказала она.

– Только не при нынешних обстоятельствах.

– Я даже не знаю, что это за обстоятельства.

– Вам расскажет детектив Риццоли.

Священник вышел из комнаты и вернулся со стаканом воды; сейчас Маура предпочла бы другой напиток, но как-то неловко просить священника принести бутылку водки. Она потягивала воду, смущаясь от его взгляда. Отец Брофи устроился в кресле напротив и неотрывно смотрел на нее, словно опасаясь, что она исчезнет.

Наконец Маура услышала, как в дом зашли Риццоли и Фрост и зашептались в холле с кем-то третьим, чей голос был ей незнаком. «Какие-то секреты, – подумала она. – Почему все от меня что-то скрывают? Почему не хотят мне говорить?»

Она подняла взгляд, когда детективы вошли в гостиную. Третьим оказался мужчина, который представился детективом Эккертом из бруклинской полиции. Это имя ни о чем не говорило Мауре, и она была уверена, что забудет его уже через пять минут. Ее внимание было приковано исключительно к Риццоли. Им уже доводилось вместе работать, и она испытывала к этой женщине симпатию и уважение.

Детективы уселись в кресла напротив Мауры. Она чувствовала себя в меньшинстве – одна под прицелом четырех пар глаз. Фрост достал свой блокнот и ручку. Что он собирается записывать? Почему все это так напоминает начало допроса?

– Как вы себя чувствуете, док? – спросила Риццоли тихим голосом, исполненным участия.

Маура рассмеялась столь банальному вопросу:

– Мне было бы значительно лучше, если бы я знала, что происходит.

– Могу я спросить вас, где вы были сегодня вечером?

– Я только что из аэропорта.

– Что вы делали в аэропорту?

– Я прилетела из Парижа. Из аэропорта Шарль де Голль. У меня был долгий перелет, и я совершенно не настроена на игру в двадцать вопросов^[2].

– Как долго вы были в Париже?

– Неделю. Я улетела в прошлую среду. – Мауре показалось, что в жестких вопросах Риццоли есть оттенок обвинения, и почувствовала, как нарастает в ней раздражение, переходящее в злость. – Если вы мне не верите, можете спросить у моего секретаря Луизы. Она заказывала для меня билеты. Я ездила на конференцию...

– Международную конференцию по судебно-медицинской патологии. Верно?

– Вы уже знаете? – опешила Маура.

– Нам сказала Луиза.

«Они задавали вопросы обо мне. Еще до моего приезда они наводили справки у секретаря».

– Она сказала, что ваш самолет должен был приземлиться в пять вечера в аэропорту Логан, – сказала Риццоли. – Сейчас почти десять. Где вы были все это время?

– Рейс задержали в Париже. Из-за какой-то дополнительной проверки безопасности. Теперь все авиалинии страдают паранойей, и нам еще повезло, что мы вылетели с опозданием всего на три часа.

– Выходит, ваш рейс был отложен на три часа.

– Я же вам только что сказала.

– В котором часу вы приземлились?

– Не знаю. Примерно в половине девятого.

– Вам понадобилось полтора часа, чтобы добраться до дома из Логана?

– Мой чемодан потерялся. Пришлось заполнять бланк заявления в «Эр Франс». – Маура замолчала, решив, что с нее довольно. – Послушайте, в чем дело, черт возьми? Прежде чем отвечать на дальнейшие вопросы, я имею право знать, что происходит. Вы меня в чем-то обвиняете?

– Нет, док. Мы вас ни в чем не обвиняем. Просто пытаемся очертить временные рамки.

– Временные рамки для чего?

– Вам кто-нибудь угрожал, доктор Айлз? – спросил Фрост.

Маура изумленно взглянула на него:

– Что?

– У кого-нибудь есть причины навредить вам?

– Нет.

– Вы уверены?

– Разве в наше время можно быть в чем-то уверенной? – усмехнулась Маура.

– Вам наверняка не раз приходилось давать показания в суде, которые могли здорово разозлить кого-нибудь, – сказала Риццоли.

– Только если этот кто-нибудь разозлился на правду.

– Вы нажили себе немало врагов. Среди преступников, которым вынесли приговор с вашей помощью.

– Уверена, что и вы тоже, Джейн. Это же ваша работа.

– Вы получали какие-нибудь конкретные угрозы? Письма или телефонные звонки?

– Номер моего телефона в справочниках не значится. А Луиза никогда не дает моего адреса.

– А как насчет писем, которые поступают на служебный адрес?

– Иногда попадаются странные. Но они наверняка приходят и вам.

– Странные?

– Люди пишут об инопланетянах или тайных заговорах. Бывает, упрекают нас в том, что мы не говорим правды о результатах вскрытия. Мы подшиваем такие письма в отдельную папку. Если, конечно, в них не содержится явная угроза. В таких случаях мы передаем их в полицию.

Маура наблюдала, как Фрост строчит в своем блокноте, и ей стало интересно, что же он пишет. Она уже настолько разозлилась, что ей хотелось перегнуться через разделявший их журнальный столик и выхватить блокнот из его рук.

– Док, у вас есть сестра? – спокойно поинтересовалась Риццоли.

Вопрос, прозвучавший как гром среди ясного неба, потряс Мауру настолько, что она разом забыла о раздражении и уставилась на Риццоли.

– Что, простите?

– У вас есть сестра?

– Почему вы об этом спрашиваете?

– Просто мне нужно знать.

– Нет, у меня нет сестры, – выдохнула Маура. – К тому же вы знаете, что меня удочерили. Когда, черт возьми, вы намерены сказать мне, в чем дело?

Риццоли и Фрост переглянулись.

Фрост захлопнул блокнот.

– Думаю, пришла пора показать ей все.

Риццоли первой направилась к двери. Маура вышла из дома в теплую летнюю ночь, расцветенную как на карнавале вспышками проблесковых маячков на патрульных машинах. Ее организм еще жил по парижскому времени, где сейчас было четыре утра, так что она воспринимала происходящее сквозь дымку усталости – ночь казалась нереальной и больше напоминала дурной сон. Стоило ей очутиться на пороге, как на нее устремились изумленные взоры всех присутствующих. Она снова увидела своих соседей, собравшихся на улице и разглядывающих ее из-за ленты оцепления. Как любой судмедэксперт, она привыкла быть на виду – за каждым ее шагом следили полиция и пресса, но сегодня внимание публики было совсем иным. Назойливым, даже пугающим. Она была рада тому, что ее сопровождают Риццоли и Фрост – детективы прикрывали ее от любопытных глаз по пути к темному «форду-таурису», припаркованному перед домом Телушкина.

Маура не узнала машину, зато узнала стоявшего рядом бородатого мужчину с пухлыми руками в латексных перчатках. Это был доктор Эйб Бристол, ее коллега из бюро судебно-медицинской экспертизы.

Эйб славился отменным аппетитом: его полнота выдавала любовь к обильной пище, а обрюзгший живот нависал над ремнем.

– Боже, мистика какая-то, – произнес он, не сводя глаз с доктора Айлз. – Так и свихнуться недолго. – Он кивнул в сторону машины. – Надеюсь, ты готова к этому, Маура.

«Готова к чему?»

Она посмотрела на припаркованный «таурус». Очередная синяя вспышка высветила силуэт человека, навалившегося на руль. Ветровое стекло в темных подтеках. «Кровь».

Риццоли направила фонарик на пассажирскую дверь. Маура не сразу поняла, куда нужно смотреть: ее внимание было приковано к забрызганному кровью стеклу и фигуре на водительском сиденье. Наконец она увидела, что освещал фонарь Риццоли. Под дверной ручкой были отчетливо видны три параллельные царапины, сильно повредившие полировку.

– Как будто процарапали ногтями, – сказала Риццоли и скрючила пальцы, словно пытаюсь воспроизвести след.

Маура уставилась на отметины. «Нет, не ногтями, – подумала она, и холодок пробежал у нее по спине. – Это следы когтей хищника».

– А теперь подойдем к водительской двери, – сказала Риццоли.

Последовав за Джейн, Маура без лишних вопросов обошла автомобиль сзади.

– Массачусетские номера, – заметила Риццоли, посветив фонариком на задний бампер. Она остановилась у водительской двери и взглянула на Мауру. – Вот что нас всех шокировало.

Она посветила фонариком вглубь салона.

Луч света упал на лицо женщины с устремленным в окно неподвижным взглядом. Правая щека прижата к рулю, глаза открыты.

Маура лишилась дара речи. Раскрыв рот, она смотрела на фарфоровую кожу, черные волосы, удивленно приоткрытые полные губы. Она пошатнулась, чувствуя, как тело стало безвольным и отрывается от земли. Кто-то успел подхватить ее под руки. Это был

стоявший за спиной отец Брофи. Она даже не заметила, что все это время священник находился рядом.

Теперь Маура понимала, почему ее появление обернулось потрясением для окружающих. Она пристально глядела на труп в машине, на лицо, которое Риццоли освещала фонариком.

«Это я. Эта женщина – я».

2

Она сидела на диване, потягивая водку с содовой; кубики льда позвякивали в стакане. К черту минеральную воду! Потрясение, которое она перенесла, требовало более действенного лекарства; отец Брофи отнесся к этому с пониманием и приготовил Мауре крепкий коктейль. Не каждый день видишь себя мертвой. И не каждый день, оказавшись на месте преступления, сталкиваешься со своим бездыханным двойником.

– Простое совпадение, – прошептала она. – Эта женщина очень похожа на меня, вот и все. Мало ли у кого черные волосы. А лицо... разве можно как следует разглядеть ее лицо?

– Не знаю, док, – сказала Риццоли. – Но сходство пугающее.

Она опустилась в кресло и застонала, когда ее тяжелое тело утонуло в мягких подушках.

«Бедная Риццоли, – подумала Маура. – Женщины на восьмом месяце беременности не должны расследовать убийства».

– У нее другая прическа, – заметила доктор Айлз.

– Волосы чуть длиннее, вот и все.

– У меня челка. А у нее нет.

– Разве вам не кажется, что все это незначительные детали? Посмотрите на ее лицо. Она может оказаться вашей сестрой.

– Давайте не будем торопиться и сначала посмотрим на нее при свете. Возможно, она совсем на меня не похожа.

– Сходство очевидно, Маура, – произнес отец Брофи. – Мы все это заметили. Она точная твоя копия.

– К тому же ее обнаружили в машине недалеко от твоего дома, – добавила Риццоли. – Практически напротив него. На заднем сиденье мы нашли вот это. – Джейн достала пакет с вещдоками.

Сквозь пластик Маура разглядела страницу со статьей из «Бостон глоуб». Заголовок был набран достаточно крупным шрифтом, и она

смогла прочитать его, не вставая с дивана: «Младенец Роулинзов подвергался избиениям, свидетельствует судмедэксперт».

– Это ваша фотография, док, – сказала Риццоли. – И вот подпись под ней: «Судмедэксперт доктор Маура Айлз покидает зал суда, дав показания по делу Роулинзов». – Она перевела взгляд на Мауру. – Жертва держала это в машине.

– Почему? – Доктор Айлз покачала головой.

– Для нас это тоже загадка.

– Процесс по делу Роулинзов... это было недели две назад.

– Не помните, была ли эта женщина в зале суда?

– Нет. Я никогда раньше ее не видела.

– Но совершенно очевидно, что она видела вас. Во всяком случае, в газете. И вот она объявляется здесь. Чтобы найти вас? Чтобы выследить вас?

Маура уставилась на свой стакан. От водки мысли слегка путались. «Еще вчера я бродила по улицам Парижа, – подумала она. – Наслаждалась солнцем и ароматами уличных кафе. Как же я умудрилась вляпаться в такой кошмар?»

– У вас есть оружие, док? – спросила Риццоли.

– Что вы имеете в виду? – напряглась Маура.

– Ничего. Я ни в чем вас не обвиняю. Просто хотела узнать, сможете ли вы в случае чего защитить себя?

– Оружия у меня нет. Я видела, во что оно превращает тела людей, поэтому никогда не стала бы хранить его дома.

– Хорошо. Я просто спросила.

Маура глотнула еще немного водки, чтобы набраться мужества для следующего вопроса:

– Что вам известно о жертве?

Фрост достал свой блокнот и принялся листать его, словно суетливый клерк. Барри Фрост во многом напоминал Мауре образцового бюрократа, у которого ручка всегда наготове.

– Согласно водительскому удостоверению, найденному в ее сумочке, жертву зовут Анна Джессоп, сорок лет, место жительства

Брайтон. Автомобиль зарегистрирован на то же имя.

– Это же всего в нескольких милях отсюда! – встрепелась Маура.

– Она жила в многоквартирном доме. Соседи, похоже, мало что могут сказать. Мы пытаемся связаться с хозяйкой здания, чтобы нас пустили в квартиру.

– Имя Джессоп не вызывает никаких ассоциаций? – спросила Риццоли.

Доктор Айлз покачала головой:

– Я не знаю никого с таким именем.

– А есть у вас знакомые в штате Мэн?

– Почему вы спрашиваете?

– В ее сумочке мы нашли талон предупреждения за превышение скорости. Судя по всему, она прибыла сюда из Мэна два дня назад по автостраде.

– Нет, в Мэне у меня нет знакомых. – Маура глубоко вздохнула. И спросила: – Кто обнаружил ее?

– Звонок поступил от вашего соседа, господина Телушкина, – сообщила Риццоли. – Он выгуливал собаку и заметил припаркованный у тротуара «таурус».

– В котором часу это было?

– Около восьми вечера.

«Ну конечно, – подумала Маура. – Телушкин каждый вечер в это время выгуливает собаку. Инженеры все такие – пунктуальные и предсказуемые. Но на этот раз ему пришлось столкнуться с непредсказуемым».

– Он ничего не слышал? – поинтересовалась Маура.

– Говорит, что примерно минут за десять до этого услышал звук, который принял за «выстрел» из выхлопной трубы автомобиля. Но никто из соседей не видел, как все произошло. Обнаружив «таурус», он позвонил девять-один-один. Сообщил, что кто-то только что застрелил его соседку, доктора Айлз. Первыми прибыли

полицейские из Бруклина вместе с детективом Эккертом. Мы с Фростом приехали около девяти.

– Но почему вы? – Маура наконец задала вопрос, который мучил ее с того самого момента, как она увидела Риццоли на месте преступления. – Почему вы оказались в Бруклине? Это же не ваша территория.

Риццоли бросила взгляд на детектива Эккерта.

Слегка замявшись, он произнес:

– Видите ли, у нас в Бруклине за прошедший год было совершено всего одно убийство. И мы подумали, что, учитывая обстоятельства, имеет смысл пригласить коллег из Бостона.

Действительно, смысл в этом был, и Маура понимала это, как никто другой. Бруклин всего лишь спальный пригород Бостона. В прошлом году бостонская полиция расследовала шестьдесят убийств. Практика, конечно, великое дело.

– Мы бы все равно подключились к следствию, узнав, кто жертва, – заметила Риццоли. – Или кто считался жертвой. – Она немного помолчала. – Признаюсь, мне даже в голову не приходило, что ею окажется не вы. При первом же взгляде на жертву я предположила...

– Мы все так подумали, – добавил Фрост.

Воцарилось молчание.

– Мы знали, что вы прилетаете из Парижа сегодня вечером, – продолжала Риццоли. – Так сказала ваша секретарша. Единственное, что вызывало у нас сомнение, – машина. Почему вы сидели в машине, принадлежавшей другой женщине?

Маура осушила стакан и поставила его на столик. Одного коктейля ей сегодня вполне хватило. В ногах ощущалась слабость, да и сосредоточиться было тяжело. Все предметы в комнате приобрели неясные очертания в теплом свечении электрических ламп. «Это неправда, – подумала она. – Я сплю в самолете, пролетающем где-то над Атлантикой, и, когда он приземлится, я проснусь и пойму, что ничего этого на самом деле не было».

– Нам пока ничего не известно об Анне Джессоп, – сказала Риццоли. – Одно мы знаем наверняка, мы все это видели собственными глазами: кто бы ни была эта женщина, она как две капли воды похожа на вас, док. Может, волосы у нее и длиннее. Может, обнаружатся еще какие-нибудь отличия. Но суть в том, что нас ввели в заблуждение. Всех нас. Но мы знаем вас. – Она немного помолчала. – Улавливаете, к чему я веду?

Да, Маура улавливала, но не хотела произносить это вслух. Она безотрывно глядела на пустой стакан. На тающие кубики льда.

– Если нас можно было ввести в заблуждение, то и любого другого тоже, – продолжала Риццоли. – В том числе и того, кто всадил пулю ей в голову. Это случилось около восьми вечера, когда ваш сосед услышал «выстрелы» из выхлопной трубы. Уже смеркалось. А она сидела в машине, припаркованной возле вашего дома. Любопытный заметивший ее предположил бы, что это вы.

– Вы считаете, пуля предназначалась мне? – уточнила Маура.

– Это вполне логично, вам так не кажется?

Маура покачала головой:

– Я вообще не вижу в этом никакой логики.

– По роду деятельности вы всегда на виду. Даете показания на заседаниях суда. Ваше имя мелькает в газетах. Вы наша Королева мертвых.

– Не называйте меня так.

– Но все копи вас так называют. Да и пресса тоже. Вы ведь это знаете, верно?

– Это не значит, что прозвище мне нравится. Честно говоря, я его терпеть не могу.

– Но все-таки вы фигура заметная. И дело не только в работе, но и в вашей внешности. Вы ведь знаете, что мужчины вас замечают? Нужно быть слепой, чтобы не видеть этого. Красивые женщины всегда привлекают внимание мужчин. Верно, Фрост?

Фрост растерялся, явно не ожидая, что его заставят высказаться по этому поводу, и щеки его предательски вспыхнули. Бедняга Фрост,

как легко он краснеет!

– Такова уж человеческая натура, – признался Барри.

Маура посмотрела на отца Брофи, но тот отвел взгляд.

Ей стало интересно: а что, если святой отец подчиняется тем же законам влечения? Ей хотелось так думать; хотелось верить в то, что Даниэлу приходили в голову те же мысли, что и ей.

– Красивая женщина, все время на виду, – снова заговорила Риццоли. – Ее выслеживают, а потом нападают прямо у порога ее дома. Такое уже бывало. Как звали ту актрису из Лос-Анджелеса? Ну, которую убили?

– Ребекка Шефер, – подсказал Фрост.

– Точно. А вот еще недавнее убийство Лори Хванг. Вы помните ее, док?

Да, Маура помнила: она сама проводила вскрытие трупа телеведущей Шестого канала. Лори Хванг проработала в эфире всего год, а потом ее застрелили на пороге студии. Она даже не догадывалась, что за ней следили. Преступник смотрел ее передачи, написал ей несколько писем. И однажды подкараулил ее на выходе из телестудии. Когда Лори шла к своей машине, он выстрелил ей в голову.

– В этом заключается опасность жизни на виду, – заметила Риццоли. – Никогда не знаешь, кто наблюдает за тобой по телевизору. Кто следит за твоей машиной, когда ты вечером едешь домой с работы. Нам даже в голову не приходит, что кто-то может нас преследовать. Что о нас кто-то мечтает. – Риццоли немного помолчала. И тихо добавила: – Я прошла через это. Я знаю, что такое быть чьей-то навязчивой идеей. Хотя моя внешность далека от идеала, со мной это уже случалось.

Она вытянула руки, демонстрируя шрамы на ладонях. Сувениры, оставленные навечно человеком, который дважды пытался отнять у нее жизнь. Пусть паралич отнял у него способность передвигаться, но этот человек все еще был жив.

– Поэтому я и спросила, не получали ли вы странных писем, – объяснила Риццоли. – Я подумала о ней. О Лори Хванг.

– Но убийцу арестовали, – заметил отец Брофи.

– Да.

– Значит, вы не имели в виду, что это его рук дело.

– Нет, я просто провела параллель. Один выстрел в голову. Женщины публичных профессий. Все это наводит на некоторые мысли.

Риццоли попыталась подняться. Ей нелегко было выкарабкаться из мягкого кресла. Фрост поспешил предложить ей руку, но она проигнорировала этот жест. Даже на последних сроках беременности Риццоли упрямо отказывалась от помощи. Она перекинула сумку через плечо и испытующе посмотрела на Мауру:

– Вы не хотите переночевать где-нибудь в другом месте?

– Это мой дом. С чего вдруг мне уходить?

– Я просто спросила. Думаю, нет необходимости напоминать вам о том, что нужно запереть двери на все замки.

– Я всегда это делаю.

Риццоли посмотрела на Эккерта:

– Бруклинская полиция сможет обеспечить наблюдение за домом?

Он кивнул:

– Я распорядюсь, чтобы патрульная машина курсировала здесь как можно чаще.

– Очень вам признательна, – сказала Маура. – Спасибо.

Маура проводила детективов до дверей и дождалась, пока они сядут в свои машины. Время перевалило за полночь. Улица вновь превратилась в тихую окраину. Бруклинские патрульные машины разъехались, «таурус» отогнали в криминалистическую лабораторию. Даже желтую ленту оцепления убрали. Утром, подумала она, я проснусь и решу, что все это мне приснилось.

Она обернулась и увидела отца Брофи, который по-прежнему стоял в холле. Никогда еще его присутствие не смущало Мауру так

сильно, как сейчас, когда они остались вдвоем в ее доме. Мысли о возможности побыть наедине крутились в головах обоих. «Или только в моей? Ночью, когда ты один лежишь в своей постели, думаешь ли ты обо мне, Даниэл? Так, как я думаю о тебе?»

– Ты точно не боишься остаться одна? – спросил он.

– Все в порядке.

«А разве есть альтернатива? Ты что, можешь провести эту ночь со мной? Ты это предлагаешь?»

Священник направился к двери.

– Кто вызвал тебя сюда, Даниэл? – поинтересовалась она. – Как ты узнал?

Он обернулся:

– Детектив Риццоли сказала мне... – Он замолчал. – Знаешь, мне постоянно звонят из полиции. Кто-то где-то умирает, кому-то нужен священник. Я всегда охотно откликаюсь на такие просьбы. Но на этот раз... – Он запнулся. – Запри все двери, Маура, – прибавил он. – Еще одной такой ночи я не вынесу.

Святой отец вышел из дома и направился к своей машине. Он не сразу завел двигатель; подождал какое-то время, чтобы убедиться: Маура в безопасности.

Она захлопнула дверь и щелкнула замком.

Из окна гостиной она наблюдала, как отъезжал Даниэл. Потом несколько секунд разглядывала опустевшую обочину тротуара, чувствуя себя одинокой и брошенной. Ей вдруг захотелось позвать его назад. И что тогда? Что бы тогда произошло между ними? Нет, от некоторых искушений лучше держаться подальше, решила она. Маура напоследок оглядела темную улицу и отошла от окна, сознавая, что ее силуэт хорошо просматривается на фоне освещенной гостиной. Она задернула шторы и прошлась по всем комнатам, проверяя замки и задвижки на окнах. Теплыми ночами она обычно спала с открытым окном, но сегодня предпочла включить кондиционер.

Маура проснулась ранним утром, дрожа от потока холодного кондиционированного воздуха. Ей снился Париж. Прогулки под голубым небом, среди клумб с розами и лилиями. Очнувшись от грез, она не сразу сообразила, где находится. Ни в каком не Париже, а в собственной постели, поняла она наконец. И еще случилось что-то страшное.

Было всего лишь пять утра, но сон как рукой сняло. «В Париже сейчас одиннадцать, – подумала она. – Там светит солнце, и я бы уже выпила вторую чашку кофе». Маура знала, что нарушение биоритмов будет мучить ее целый день и эта утренняя вспышка бодрости погаснет уже к полудню, но заставить себя заснуть так и не смогла.

Она встала и оделась.

Улица выглядела так же, как всегда. В небе появились первые полосы рассвета. Она заметила, что в окнах господина Телушкина зажегся свет. Он рано вставал и обычно уходил на работу на час раньше, чем Маура, но сегодня она проснулась первой и вот теперь вновь окидывала взглядом округу. По улице проплыли поливальные машины, с шипением орошая водой окрестные лужайки. Мальчик – разносчик газет в бейсболке козырьком назад проехал мимо на велосипеде, и Маура услышала, как «Бостон глоуб» шлепнулась на ее порог. «Вроде все как всегда, – подумала она, – но это не так. Здесь побывала смерть, и люди уже не забудут этого. Они будут смотреть из своих окон на то место, где стоял „таурус“, и содрогаться при мысли о том, что смерть подобралась так близко к ним».

Из-за угла показались светящиеся фары, и на улицу вырулил автомобиль, медленно приближаясь к дому Мауры. Патруль бруклинской полиции.

«Нет, теперь все по-другому», – подумала она, наблюдая за тем, как проезжает мимо ее дома патрульная машина.

И уже никогда не будет по-прежнему.

Она приехала на работу еще до прихода секретаря. В шесть утра Маура уже сидела за своим столом и разбиралась с материалами, скопившимися в электронном почтовом ящике за время ее недельного отсутствия. Она просмотрела треть документов, когда до нее донесся звук приближающихся шагов. Подняв взгляд, Маура увидела в дверях Луизу.

– Вы здесь, – пробормотала секретарь.

Маура приветствовала ее улыбкой:

– Bonjour!^[3] Я решила с утра пораньше заняться бумажной работой.

Какое-то время Луиза молча разглядывала начальницу, потом зашла в кабинет и тяжело опустилась на стул напротив Мауры, как будто почувствовала внезапную усталость. Пятидесятилетняя Луиза, в два раза более выносливая и стойкая, чем Маура, которая была на десять лет моложе, сегодня выглядела изможденной, и лицо в свете флуоресцентных ламп казалось худым и болезненным.

– С вами все в порядке, доктор Айлз? – тихо спросила Луиза.

– Да. Только тяжело из-за разницы во времени.

– Я имею в виду... после того, что произошло вчера вечером. Детектив Фрост с такой уверенностью сказал, что в той машине были вы...

Маура кивнула, и улыбка померкла на ее губах.

– Как в кино, Луиза. Приехать домой и обнаружить такое скопление полицейских...

– Это было ужасно. Мы все подумали... – Луиза судорожно сглотнула и опустила взгляд. – Я испытала такое облегчение, когда мне позвонил доктор Бристол. И сообщил, что это была ошибка.

В воцарившейся тишине чувствовался упрек. До Мауры вдруг дошло, что это ей следовало позвонить своему секретарю. Она должна была догадаться, что Луиза взволнована и ей было бы приятно услышать голос начальницы. «Наверное, я слишком долго жила одинокой незамужней жизнью, – подумала Маура. – Мне

никогда и в голову не приходило, что есть люди, которым не все равно, что происходит со мной».

Луиза поднялась со стула:

– Я так рада, что вы вернулись, доктор Айлз. Собственно, это я и хотела сказать.

– Луиза!

– Да?

– Я кое-что привезла тебе из Парижа. Понимаю, оправдание неубедительное, но это кое-что находится в моем чемодане. А багаж потерялся.

– Если это шоколад, для моих бедер он будет лишним, – рассмеялась Луиза.

– Ничего калорийного, обещаю. – Маура бросила взгляд на настольные часы. – Доктор Бристол еще не пришел?

– Только что подъехал. Я видела его на стоянке.

– Ты знаешь, когда он проводит вскрытие?

– Какое? У него сегодня два трупа.

– Вчерашнее огнестрельное ранение. Та женщина.

Луиза одарила Мауру долгим взглядом:

– Кажется, это вскрытие проводится вторым.

– Есть какие-то новые сведения об убитой?

– Не знаю. Вам лучше спросить у доктора Бристола.

3

Хотя в тот день ей не надо было проводить вскрытие, в два часа пополудни Маура спустилась вниз и переделалась в костюм патологоанатома. В женской раздевалке больше никого не было; она не спеша сняла с себя уличную одежду, аккуратно сложила в шкафчик блузку и брюки. Накрахмаленная униформа приятно холодила кожу, как свежевystиранные простыни, и она находила особое удовольствие в знакомой до боли рутине, подвязывая брюки и убирая волосы под шапочку. В этом хлопчатобумажном скафандре она чувствовала себя защищенной, наделенной особым статусом. Она посмотрела в зеркало на свое отражение – холодное и отстраненное лицо, лишённое всяких эмоций. Закрыв за собой дверь раздевалки, доктор Айлз прошла по коридору в секционный зал.

Риццоли и Фрост уже стояли возле стола в халатах и перчатках, их спины загораживали Мауре обзор. Первым ее появление заметил доктор Бристол. Он стоял к ней лицом в хирургическом халате огромного размера, куда едва умещалось его грузное тело, так что они сразу встретились взглядами. Она заметила, что брови коллеги хмуро сдвинулись, а в глазах промелькнул вопрос.

– Я подумала, что мне стоит поприсутствовать, – объяснила она.

Теперь и Риццоли, обернувшись, смотрела на нее. И тоже нахмурясь.

– Вы уверены?

– А разве вам не было бы любопытно?

– Но я все равно не стала бы присутствовать. Учитывая обстоятельства.

– Я просто посмотрю. Ты не возражаешь, Эйб?

Бристол пожал плечами.

– Пожалуй, мне бы тоже было любопытно, – согласился он. – Что ж, прошу к нашему столу.

Она прошла в зал и встала рядом с Эйбом. От одного взгляда на труп у нее пересохло в горле. За время работы в лаборатории она насмотрелась всякого: плоть в самых разных стадиях разложения, тела, изуродованные и обе зображенные огнем до такой степени, что мало напоминали человеческие. Труп, который лежал сейчас на секционном столе, был практически нетронутым. Кровь уже смыли, а рана от пули на левом виске скрывалась под темными волосами. Лицо не имело повреждений, лишь на теле появились первые признаки разложения в виде небольших трупных пятен. На шее и в паху виднелись свежие отметины там, где лаборант морга Йошима делал забор крови на анализ; других следов прикосновения к трупу не было: скальпель Эйба еще не сделал ни единого надреза. Если бы грудная полость была уже вскрыта и обнажена, вид трупа не вызвал бы у нее такого волнения. Вскрытые тела анонимны. Сердце, легкие, селезенка – всего-навсего лишенные индивидуальности органы, которые можно пересадить из одного организма в другой совсем как запчасти для автомобилей. Но эта женщина пока еще цела, и черты ее лица удивительно знакомы. Прошлой ночью Маура видела одетый труп, выхваченный из темноты лучом фонаря Риццоли. Сейчас в лицо жертвы безжалостно били лабораторные лампы, тело было обнажено, и женщина казалась еще более знакомой.

«Господи, это же мое лицо, это же мое тело на столе».

Только она знала, насколько близко сходство. Никто из присутствующих не видел формы обнаженных грудей Мауры, изгиба ее бедер. Они видели только то, что она позволяла, – лицо, волосы. Разумеется, никто не знал, что сходство между ней и жертвой простирается до таких интимных особенностей, как рыжевато-коричневый оттенок лобковых волос.

Маура посмотрела на руки женщины с длинными и изящными пальцами – в точности как у нее. Руки пианистки. С пальцев уже сняли отпечатки. Рентгеновские снимки черепа и зубов тоже были готовы, и на экране проектора уже светились два ряда белых зубов – ухмылка Чеширского кота. «Интересно, мои снимки будут

выглядеть так же? – задалась она вопросом. – Неужели у нас и эмаль на зубах одинаковая?»

– Удалось еще что-нибудь узнать о ней? – спросила Маура и сама удивилась неестественному спокойствию своего голоса.

– Мы пока наводим справки об этом имени, Анна Джессоп, – сообщила Риццоли. – В нашем распоряжении только водительское удостоверение четырехмесячной давности, выданное в Массачусетсе. В нем указано, что ей сорок лет. Рост сто семьдесят четыре сантиметра, волосы черные, глаза зеленые. Вес шестьдесят килограммов. – Риццоли смерила взглядом труп. – Я бы сказала, что она подходит под это описание.

«Я бы тоже, – подумала Маура. – Мне тоже сорок, и рост такой же. Только вес другой – шестьдесят три килограмма. Но какая женщина не приврет насчет своего веса, оформляя водительское удостоверение?»

Она молча наблюдала за тем, как Эйб завершает поверхностный осмотр. По ходу дела он заносил данные в распечатку схемы женского тела. Пулевое отверстие в левом виске. Трупные пятна в нижней части туловища и на бедрах. Шрам от аппендицита. Отложив в сторону дощечку с диаграммой, он направился к изножью стола, чтобы взять вагинальные мазки. Пока они с Йошимой раздвигали бедра, открывая промежность, Маура сосредоточила взгляд на животе жертвы. Ее заинтересовал шрам от аппендицита – тонкая белая полоска на коже цвета слоновой кости.

«У меня такой же».

Когда мазки были собраны, Эйб подошел к лотку с инструментами и взял скальпель.

Наблюдать за первым надрезом было практически невыносимо. Маура инстинктивно поднесла руку к груди, словно это в нее впивалось стальное лезвие. «Я погорячилась, – подумала она, когда Эйб завершил У-образный надрез. – Не знаю, смогу ли я все это выдержать». Но ноги приросли к полу, и она не могла отвести глаза, с отвращением наблюдая, как Эйб отделяет лоскуты кожи от грудной

стенки, будто свежует добычу. Он был полностью поглощен работой и не замечал ее ужаса. Опытный патологоанатом тратит не более часа на несложное вскрытие, потому на этой стадии исследования Эйб не тратил времени на бесполезное изящество разрезов. Маура всегда симпатизировала Эйбу и считала его обаятельным жизнелюбом, знающим толк в еде, напитках и опере, но сейчас смотрела на него совсем другими глазами: с огромным животом и толстой бычьей шеей он выглядел мясником, вспарывающим тушу.

И вот из-под снятой с грудной клетки кожи и замаскированных под кожными лоскутами грудей обнажились ребра и мышцы. Йошима с секатором в руке наклонился над трупом и начал резать ребра. Маура морщилась от каждого щелчка. «Как легко сломать человеческую кость, – думала она. – Мы полагаем, что наше сердце защищено прочной клеткой ребер, а выходит, достаточно только сдавить кольца ножниц, и ребра одно за другим уступят давлению закаленной стали. Из какого же хрупкого материала мы сделаны!»

Йошима рассек последнюю кость, а Эйб перерезал уцелевшие пряди хрящей и мышц. Затем они вдвоем приподняли грудину, будто сняли крышку с коробки.

В распахнутой грудной клетке поблескивали сердце и легкие. «Молодые органы», – мелькнуло в голове у Мауры. Впрочем, нет, сорок лет – это уже не молодость. Нелегко признаваться даже самой себе в том, что в сорок лет половина жизни уже прожита. И что ее, так же как эту женщину на секционном столе, уже нельзя считать молодой.

Обнаженные органы внешне казались нормальными, без очевидных признаков патологии. Несколькими быстрыми надрезами Эйб иссек легкие и сердце и выложил их в металлический лоток. Затем сделал срезы легких и под ярким светом лампы исследовал их паренхиму.

– Не курила, – сообщил он детективам. – Эдемы нет. Прекрасные здоровые ткани.

Однако женщина была мертва.

Он опустил легкие в лоток, где они осели розовым холмиком, и взялся за сердце. Оно легко уместилось на массивной ладони Эйба. Маура вдруг особенно остро ощутила биение собственного сердца. Оно бы тоже уместилось в руке патологоанатома. К горлу подступила тошнота, когда Маура представила себе, что он держит его на ладони, переворачивает, рассматривая коронарные сосуды, – это сейчас Эйб и проделывал с сердцем жертвы. Пусть с точки зрения механики сердце представляет собой обычный насос, однако он находится в самой сокровенной части человеческого организма, поэтому при взгляде на обнаженный и незащищенный орган доктор Айлз ощутила пустоту в своей собственной груди. Она сделала глубокий вдох, но от запаха крови тошнота лишь усилилась. Маура отвернулась от трупа и встретилась взглядом с Риццоли. Детектив, как никто, понимала ее. Они были знакомы вот уже два года, работали вместе по большому количеству дел и успели убедиться в профессионализме друг друга. Однако в этом взаимном уважении присутствовала и толика почтительной настороженности. Маура знала: интуиция у Джейн развита прекрасно, и она хорошо понимает, насколько доктор Айлз близка к тому, чтобы сбежать из секционного зала. Немой вопрос в глазах Риццоли заставил Мауру взять себя в руки. Королева мертвых вновь обрела свойственную ее рангу невозмутимость.

Она снова обратила внимание на труп.

Эйб не замечал подспудного напряжения в зале и спокойно изучал желудочки сердца.

– Клапаны выглядят вполне сносно, – заявил он. – Коронарные сосуды мягкие. Чистые. Черт, хотел бы я, чтобы мое сердце выглядело так же!

Маура бросила взгляд на необъятное брюхо коллеги и, зная его страсть к фуа-гра и жирным соусам, усомнилась в том, что его надежды сбудутся. «Наслаждайся жизнью, пока есть возможность, – вот к чему сводилась философия Эйба. – Потворствуй своим аппетитам сейчас, потому что рано или поздно мы все плохо кончим,

как наши друзья на секционном столе. Что хорошего в чистых коронарных сосудах, если ты всю жизнь отказывал себе в удовольствиях?»

Он положил сердце в лоток и принялся за живот жертвы, сделав глубокий надрез брюшины. Взору открылись печень, селезенка и поджелудочная железа. Маура давно привыкла к запаху смерти и охлажденных органов, но сегодня он действовал ей на нервы. Как будто она впервые присутствовала на вскрытии. Сегодня она смотрела на процедуру не как искушенный патологоанатом: безжалостность Эйба, орудовавшего ножницами и скальпелем, приводила ее в дикий ужас. «Боже, а ведь я это проделываю каждый день, правда мой скальпель режет плоть незнакомых людей».

А эта женщина совсем не кажется незнакомкой.

Словно оцепенев, Маура отстраненно наблюдала за работой Эйба. Измотанная бессонной ночью и сбоем биологических часов, она уже не могла сопереживать тому, что творилось на секционном столе. Ей удалось убедить себя в том, что перед ней всего лишь труп. Никаких ассоциаций и тем более переживаний. Эйб быстро освободил завитки кишок и опустил их в лоток. С помощью ножниц и кухонного ножа он выпотрошил брюшную полость. Затем отнес лоток, наполненный брюшными органами, на столик из нержавеющей стали, где один за другим принялся их исследовать.

На препаровочном столике он вскрыл желудок и выложил его содержимое в отдельный лоток. Запах непереваренной пищи заставил Риццоли и Фроста отвернуться – оба поморщились от отвращения.

– Похоже на остатки ужина, – сказал Эйб. – Я бы предположил, что она ела салат из морепродуктов. Вижу листья салата и помидоры. И возможно, креветки...

– За сколько часов до смерти она принимала пищу? – спросила Риццоли гнусавым голосом: она старалась оградить себя от запахов и потому зажала рукой нос.

– За час, а может, и больше. Я полагаю, она ела не дома, поскольку салат из морепродуктов – пища явно не домашняя. – Эйб взглянул на Риццоли. – Вы не нашли ресторанных чеков в ее сумочке?

– Нет. Она могла заплатить и наличными. Мы еще не получили информации по ее кредитной карте.

– Боже правый, – произнес Фрост, по-прежнему избегая взгляда на лоток. – Вряд ли я теперь отважусь съесть креветку.

– Послушай, не стоит принимать это так близко к сердцу, – сказал Эйб, надрезая поджелудочную железу. – Если разобраться, все мы сделаны из одного и того же материала. Жиры, углеводы, белки. Поедая сочный стейк, ты на самом деле жуешь мышечную ткань. Думаешь, я отказываюсь от мяса только потому, что каждый день приходится его анатомировать? Любая мышечная ткань состоит из одних и тех же биохимических элементов, просто пахнет иногда хуже или лучше. – Он взялся за почки. Отрезал от каждой понемногу и опустил образцы ткани в сосуд с формалином. – Пока все выглядит нормально, – прокомментировал он. И перевел взгляд на Мауру. – Ты согласна?

Она механически кивнула, не сказав ни слова. Ее внимание привлекла новая серия рентгеновских снимков, которые Йошима развешивал на экране проектора. Это были изображения черепа. На латеральном снимке просматривались очертания мягкой ткани, словно полупрозрачный призрак профиля.

Маура подошла к экрану и принялась разглядывать пятно в форме звездочки, которое казалось ярким на фоне более темной кости. Оно расплылось по всему своду черепа. Небольшое входное отверстие было обманчивым: оно не давало представления о повреждениях мозга.

– Господи, – пробормотала она. – Это же пуля «Черный коготь».

Эйб поднял взгляд от лотка с брюшными органами:

– Давно я их не видел. Нужно быть поосторожнее. Металлические осколки от этой пули острые как бритва. Ими можно пораниться

даже в перчатках. – Он взглянул на Йошиму. Тот проработал в бюро судмедэкспертизы дольше всех нынешних патологоанатомов и потому служил им корпоративной памятью. – Когда в последний раз у нас была жертва с пулей «Черный коготь»?

– Примерно года два назад, – отозвался Йошима.

– Так недавно?

– Насколько я помню, вскрытие делал доктор Тирни.

– Попроси, пожалуйста, Стеллу поднять архив. Пусть посмотрит, закрыли ли дело. Пуля необычная, так что нелишне проверить, нет ли связи.

Йошима снял перчатки и направился к интеркому, чтобы связаться с секретарем Эйба.

– Алло, Стелла? Доктор Бристол просит поднять последнее дело, в котором фигурировала пуля «Черный коготь». По-моему, с этим делом работал доктор Тирни...

– Я слышал про эту пулю, – сказал Фрост, подходя к экрану и вглядываясь в снимки. – Но первый раз сталкиваюсь с ней в работе.

– Это экспансивная пуля от «Винчестера», – сказал Эйб. – Проникая в мягкие ткани, медная оболочка раскрывается, образуя что-то вроде шестигранника. Каждая грань острая, как коготь. – Он подошел к изголовью секционного стола. – Пули были изъяты с рынка в девяносто третьем году, после того как какой-то псих из Сан-Франциско устроил пальбу и порешил девять человек. Это была настолько плохая реклама для «Винчестера», что они сняли пули с производства. Но какое-то количество, конечно, осталось в обороте. Время от времени жертвы случаются, но их становится все меньше.

Маура никак не могла оторвать глаз от рентгеновского снимка, от смертоносного белого шестигранника. Она думала над тем, что сказал Эйб: «Каждый кончик острый, как коготь». И вспоминала отметины, оставленные на дверце автомобиля жертвы. «Царапины от когтей хищника».

Она вернулась к столу, где Эйб как раз заканчивал надрез кожи черепа. В тот краткий миг, когда он снимал лоскут кожи, Маура

успела бросить последний взгляд на лицо мертвой женщины. Смерть окрасила ее губы в серовато-синий цвет. Глаза были открыты, обнаженная роговица высохла и помутнела от воздействия воздуха. Прижизненный блеск в глазах на самом деле есть не что иное, как отражение света от влажной роговицы; когда же веки перестают моргать и роговица уже не омывается жидкостью, глаза высыхают и тускнеют. Безжизненность взгляда объясняется вовсе не тем, что душа отлетает, просто отключается мигательный рефлекс. Маура посмотрела на две затуманенные каемки, защищенные роговицей глаз, и на мгновение представила себе, как могли они выглядеть при жизни. В этот момент ей показалось, что она смотрит на свое зеркальное отражение. Совершенно внезапная головокружительная мысль возникла в ее голове: а что, если это она лежит на секционном столе и это ее тело анатомируют? Ведь призраки часто задерживаются именно в тех местах, где обитали при жизни. «Вот мое пристанище, – подумала она. – Судебно-медицинская лаборатория. Я обречена провести здесь вечность».

Эйб потянул кожу черепа вперед, и лицо съежилось, как резиновая маска.

Маура содрогнулась. Отвернувшись, она заметила, что Риццоли опять наблюдает за ней. «На кого она смотрит – на меня или на мой призрак?»

Жужжание хирургической пилы «Стайкер» пронимало до мозга костей. Эйб отпиливал свод обнаженного черепа, старательно обходя сегмент с пулевым отверстием. Затем осторожно отделил и снял верхнюю часть кости. Пуля «Черный коготь» выпала из открытого черепа и со звоном шлепнулась в лоток, который подставил Йошима. Ее металлические шипы поблескивали в свете лампы и напоминали лепестки смертоносного цветка.

Мозг был залит темной кровью.

– Обширное кровоизлияние в оба полушария. Собственно, это можно было предположить по снимкам, – заметил Эйб. – Пуля вошла сюда, в левую височную кость. Но не вышла. На снимках это хорошо

видно. – Он указал на экран проектора, на котором пуля высвечивалась ярким шестигранником, упирившимся во внутренний изгиб левой части затылочной кости.

– Странно, что она осталась с той же стороны черепа, – заметил Фрост.

– Возможно, возник внутренний рикошет. Пуля пронзила череп и начала кувыркаться, прорезая мозг. Потратила всю свою мощь на мягкие ткани. Можно сравнить с вращением ножей в блендере.

– Доктор Бристол! – прозвучал по интеркому голос Стеллы, его секретаря.

– Да.

– Я нашла то дело с пулей «Черный коготь». Имя жертвы Василий Титов. Вскрытие проводил доктор Тирни.

– А кто из детективов вел дело?

– Мм... а, вот, нашла. Детективы Ванн и Данливи.

– Я свяжусь с ними, – пообещала Риццоли. – Попробую выяснить, помнят ли они подробности.

– Спасибо, Стелла! – крикнул Бристол и взглянул на Йошиму, который уже держал фотоаппарат. – Можно приступать.

Йошима начал фотографировать мозг, чтобы запечатлеть его состояние в момент, предшествующий его извлечению из костяного дома. Вот где покоятся воспоминания всей жизни, думала Маура, глядя на блестящие складки серого вещества. Алфавит детства. Четырежды четыре – шестнадцать. Первый поцелуй, первая влюбленность, первая несчастная любовь. Все это оседает в виде групп РНК-посредников в этом сложном сплетении нейронов. Несмотря на то что память – биохимический процесс, именно она определяет индивидуальность человека.

Несколько взмахов скальпеля – и Эйб высвободил мозг; он понес его в обеих руках, словно бесценное сокровище, на столик из нержавеющей стали. Он не станет анатомировать его сегодня, а просто поместит отмокать в тазик с формалином, чтобы заняться им позже. Впрочем, и без изучения под микроскопом повреждения

были налицо; о них свидетельствовали кровавые пятна на поверхности.

– Итак, входная рана у нас на левом виске, – подытожила Риццоли.

– Да, и отверстия на коже и кости черепа идеально совпадают, – ответил Эйб.

– Это подтверждает, что мы имеем дело с прямым выстрелом в височную часть головы.

Эйб кивнул:

– Вероятно, убийца целился через водительское окно. Оно было открыто, так что стекло не могло исказить траекторию пули.

– Значит, она сидела за рулем, – начала размышлять Риццоли. – Теплый вечер. Окно открыто. Восемь часов, темнеет. Он подходит к машине. Наводит на нее дуло пистолета и стреляет. – Джейн встряхнула головой. – Зачем?

– Ее сумочку он не забрал, – сказал Эйб.

– Выходит, не грабеж, – согласился Фрост.

– Остается преступление на почве страсти. Или заказное убийство.

Риццоли взглянула на Мауру. Ну вот, опять эта вероятность целенаправленного убийства!

«Ту ли цель поразил убийца?»

Эйб опустил мозг в ковш с формалином.

– Пока никаких сюрпризов, – постановил он, возвращаясь к столу, чтобы начать препаровку органов шеи.

– Вы будете проводить токсикологическое исследование? – поинтересовалась Риццоли.

Эйб пожал плечами:

– Можно, конечно, но я не уверен, что есть необходимость. Причина смерти очевидна. – Он кивнул на экран проектора, где поблескивал шестигранник пули. – У вас есть какие-то иные соображения? Почему вы заинтересовались токсикологией? Разве в машине обнаружили наркотики или какую-то атрибутику?

– Нет, ничего. В машине все чисто. Ну, если не считать крови.

– И вся кровь принадлежит жертве?

– В любом случае вся кровь третьей группы, резус-фактор положительный.

Эйб взглянул на Йошиму:

– Ты проверил нашу девушку?

Йошима кивнул:

– Все сходится. У нее третья группа, резус-фактор положительный.

На Мауру никто не посмотрел. Никто не заметил, как задрожал ее подбородок, как судорожно она глотнула воздух. Она резко отвернулась, чтобы никто не увидел ее лица, и, развязав маску, рывком сдернула ее.

Когда доктор Айлз направилась к мусорной корзине, Эйб окликнул ее:

– Мы тебя уже утомили, Маура?

– Это все проклятое нарушение биоритмов, – сказала она, стягивая халат. – Пожалуй, уйду домой пораньше. До завтра, Эйб.

Она сбежала из секционного зала, даже не оглянувшись.

Домой Маура ехала как в тумане. Только когда впереди замаячили окраины Бруклина, ее немного отпустило. Лишь тогда ей удалось вырваться из лассо тягостных мыслей, которые крутились в ее голове. «Не думай о вскрытии. Выбрось все это из головы. Подумай об обеде, о чем угодно, только не о том, что видела сегодня».

Она остановилась у супермаркета. В ее холодильнике было пусто, и, чтобы не питаться сегодня вечером тунцом и мороженым горошком, следовало зайти в магазин. Маура испытала облегчение от возможности сосредоточиться на покупках. С маниакальным упорством она заполняла продуктовую тележку. Размышлять о еде и о том, что приготовить на неделю, было гораздо безопаснее. «Хватит думать о кровавых брызгах и женских органах в стальных лотках. Мне нужны грейпфруты и яблоки. И по-моему, здесь хорошие баклажаны». Она взяла пучок свежего базилика и жадно вдохнула его пряный аромат, который, пусть даже на минуту, чудесным образом перебил запахи морга. После недели легкой французской

пищи ей особенно сильно захотелось специй. «Сегодня, – решила она, – я приготовлю тайский зеленый карри, такой острый, чтобы обжигал рот».

Дома она переделалась в шорты и футболку и кинулась к плите. Потягивая охлажденное белое бордо, она резала цыпленка, лук и чеснок. Вскоре кухня наполнилась ароматом жасминового риса. Думать о крови группы III с положительным резус-фактором и темноволосой женщине было некогда – в кастрюле закипело масло. Пора загружать цыпленка и пасту карри. А потом опорожнить туда банку кокосового молока. Она накрыла кастрюлю крышкой и установила медленный огонь. Посмотрела в кухонное окно и вдруг увидела свое отражение на стекле.

«Я очень похожа на нее. Вылитая она».

Холодок пробежал по спине, словно из окна смотрело вовсе не ее собственное отражение, а некий призрак. Крышка на кастрюле задрожала от поднимающегося пара. Это призраки пытаются вырваться наружу. Стараются привлечь ее внимание.

Она выключила газ, подошла к телефону и набрала номер пейджера, который знала наизусть.

Спустя мгновение Джейн Риццоли перезвонила. Фоном ее голосу служили отдаленные телефонные звонки. Значит, Риццоли звонила не из дома, а, вероятно, все еще сидела за своим рабочим столом в здании Главного управления «Шредер-плаза».

– Извините, что надоедаю, – сказала Маура. – Просто мне нужно кое-что узнать у вас.

– У вас все нормально?

– Все хорошо. Я просто хочу знать о ней кое-что еще.

– Об Анне Джессоп?

– Да. Вы сказали, что у нее было массачусетское водительское удостоверение.

– Верно.

– Какая дата рождения в нем указана?

– Что?

– Сегодня в секционном зале вы сказали, что ей сорок лет. В какой день она родилась?

– Зачем это вам?

– Пожалуйста, скажите. Мне просто нужно знать.

– Хорошо. Не вешайте трубку.

До слуха Мауры донеслось шуршание страниц, а затем в трубке раздался голос Риццоли:

– Согласно водительскому удостоверению она родилась двадцать пятого ноября.

Маура молчала.

– Вы еще слушаете? – забеспокоилась Риццоли.

– Да.

– В чем проблема, доктор? Что происходит?

Маура судорожно сглотнула:

– Мне нужна ваша помощь, Джейн. Я понимаю, это может показаться бредом.

– Попробуйте объяснить.

– Я хочу, чтобы в лаборатории сравнили мою ДНК и ее.

Отдаленные телефонные звонки смолкли, и на том конце провода установилась тишина.

– Еще раз. Я что-то не поняла, – наконец произнесла Риццоли.

– Я хочу знать, соответствует ли ДНК Анны Джессоп моей ДНК.

– Послушайте, я согласна, сходство поразительное...

– Дело не только в нем.

– Что еще вы имеете в виду?

– У нас одна группа крови. Третья, резус-фактор положительный.

– И как вы думаете, у скольких еще людей третья группа, резус-фактор положительный? – вполне резонно возразила Риццоли. – У десяти процентов населения, так ведь?

– И дата ее рождения. Вы сказали, что она родилась двадцать пятого ноября. Джейн, я родилась в этот же день.

Повисло гробовое молчание.

– Слушайте, у меня от этой информации волосы под мышками дыбом встали, – мягко проговорила Риццоли.

– Теперь вы понимаете, почему я хочу сделать этот анализ? Все в ней – начиная с внешности, группы крови, даты рождения... – Маура запнулась. – Она – это я. Я хочу знать, откуда она родом. Я хочу знать, кто эта женщина.

Повисла долгая пауза. Потом Риццоли сказала:

– Ответить на этот вопрос, похоже, сложнее, чем мы думали.

– Почему?

– Сегодня днем мы получили выписку с ее кредитной карты. И выяснилось, что счет для ее «Мастеркард» открыт всего полгода назад.

– И что из этого?

– Водительское удостоверение выдано четыре месяца назад. А номерным знакам ее автомобиля всего-то три месяца.

– А что ее место жительства? Она ведь жила в Брайтоне, так ведь? Вы уже наверняка говорили с соседями.

– Вчера поздно вечером мы наконец связались с хозяйкой дома. Она говорит, что сдала квартиру Анне Джессоп три месяца назад. Она впустила нас в квартиру.

– И что?

– Квартира пуста, доктор. Ни мебели, ни сковородки, даже зубной щетки нет. Кто-то оплатил кабельное телевидение и телефон, но жильцов там не было.

– А что соседи?

– Никто ее не видел. Они называли ее призраком.

– Но ведь раньше она жила где-то. И наверняка у нее был другой банковский счет...

– Мы проверяли. И не нашли никаких более ранних сведений об этой женщине.

– И что это значит?

– Это значит, – сказала Риццоли, – что еще полгода назад Анны Джессоп не существовало.

4

Когда Риццоли вошла в заведение Джей Пи Дойла, его завсегдатаи уже толпились вокруг барной стойки. Большинство постоянных посетителей были полицейскими, которые за пивом и орешками делились друг с другом байками о похождениях на службе. Расположенный неподалеку от полицейской подстанции Джамайка-Плейн бар Дойла был, наверное, самой безопасной пивной в городе. Одно неверное движение – и на тебя обрушится сразу с десятков копов. Джейн знала всю эту братию, и ее здесь тоже хорошо знали. Полицейские расступились перед беременной коллегой, и на нескольких лицах промелькнули ухмылки, когда она, словно пароход, вклинилась в их ряды, неся впереди себя огромный живот.

– Бог мой, Риццоли, – выкрикнул кто-то, – ты все толстеешь?

– Да. – Она рассмеялась. – Но в отличие от тебя к августу я снова буду тощей.

Она направилась к детективам Ванну и Данливи, которые стояли у барной стойки и махали ей руками. Сэм и Фродо – такое прозвище приклеилось к этой парочке. Тощий и толстый, они работали вместе так давно, что стали вести себя как супружеская пара со стажем и, возможно, проводили больше времени друг с другом, чем со своими женами. Риццоли редко видела их порознь и даже думала, что недалек тот день, когда они станут одеваться как близнецы.

Они улыбнулись и приветствовали ее одинаковыми пинтами «Гиннеса».

– Эй, Риццоли, – начал Ванн.

– ...ты опоздала, – продолжил Данливи.

– Мы уже по второй...

– ...Будешь с нами?

Господи, каждый из них мог закончить мысль другого!

– Здесь слишком шумно, – сказала она. – Пошли в другой зал.

Они направились в обеденный зал, за излюбленный столик под ирландским флагом. Данливи и Ванн расположились на одной скамейке напротив Джейн. Она подумала о своем напарнике Барри Фросте, милом парне, даже замечательном, – правда, у них не было ничего общего. В конце рабочего дня каждый из них шел своей дорогой. Они симпатизировали друг другу, но слишком тесное общение Риццоли вряд ли вынесла бы. Во всяком случае, не смогла бы проводить с Фростом столько времени, сколько проводят вдвоем эти парни.

– Так у тебя жертва с «Черным когтем»? – уточнил Данливи.

– Да, обнаружили вчера вечером в Бруклине, – сказала она. – Это первый «Коготь» после вашего дела. Сколько лет прошло, года два?

– Да, около того.

– Оно закрыто?

– Закрыто и похоронено, – усмехнулся Данливи.

– Кто стрелял?

– Парень по имени Антонин Леонов. Украинский иммигрант, пешка, метившая в дамки. Русская мафия рано или поздно добралась бы до него, но мы арестовали его раньше.

– Идиот тот еще, – фыркнул Ванн. – Даже не подозревал, что мы его пасем.

– А с чего вы взяли его пасти? – поинтересовалась Джейн.

– Поступил сигнал, что он ждет партию наркотиков из Таджикистана, – объяснил Данливи. – Героин. Мы сидели у него на хвосте почти неделю, а он нас так и не вычислил. Короче, он привел нас к дому сообщника, Василия Титова. Тот, должно быть, разозлил Леонова или что-то в этом роде. Мы видели, как Леонов зашел в дом Титова. Потом прогремели выстрелы, и Леонов вышел.

– Тут мы его и сцапали, – вставил Ванн. – Я же говорю, идиот.

Данливи торжествующе поднял кружку с пивом:

– Короче, все было ясно. Преступник схвачен на месте с оружием. Мы были свидетелями. Не знаю, с чего ему вдруг пришло в голову

доказывать свою невиновность. Суду присяжных потребовалось меньше часа, чтобы вынести приговор.

– Он так и не сказал вам, откуда у него эти пули? – спросила Риццоли.

– Шутишь? – удивился Ванн. – Он вообще ничего нам не сказал. Он с трудом говорил по-английски, но слово «Миранда»^[4] знал наизубок.

– Мы провели обыск в его доме, проверили его делишки, – продолжил Данливи. – У него на складе нашли, между прочим, около восьми ящиков с «Черным когтем». Как тебе это нравится? Понятия не имею, как ему удалось заполучить такой арсенал, но запас, конечно, внушительный. – Данливи пожал плечами. – Вот, собственно, и все по этому Леонову. Честно говоря, я не вижу, как он может быть связан с вашим огнестрелом.

– За пять лет в наших краях «Черный коготь» использовали всего дважды, – возразила она. – В вашем случае и в моем.

– Ну, наверное, какое-то количество этих пуль еще крутится на черном рынке. Проверь на eBay. Я знаю только одно: мы взяли Леонова, и надолго. – Данливи осушил свою пинту. – Так что у тебя стрелял кто-то другой.

Это было и так понятно. Разборки между русскими мафиози двухлетней давности вряд ли могли иметь отношение к убийству Анны Джессоп. Выходит, пуля «Черный коготь» никуда не вывела.

– Дадите посмотреть дело Леонова? – попросила она. – Мне все-таки хочется взглянуть.

– Завтра будет у тебя на столе.

– Спасибо, ребята. – Джейн неуклюже выбралась из-за стола.

– Когда разродишься? – спросил Ванн, кивая на ее живот.

– Не очень скоро.

– Знаешь, ребята тут делают ставки. На пол ребенка.

– Шутишь.

– Уже поставили семьдесят баксов на девочку и сорок на мальчика.

– И двадцать баксов на третий вариант, – хихикнул Ванн.

Переступив порог своей квартиры, Риццоли почувствовала, как ребенок толкнул ее ножкой. «Успокойся, малыш, – подумала она. – Ты и так весь день меня колошматил, а теперь намерен продолжить это ночью?» Она не знала, кого носит под сердцем – мальчика, девочку или кого-то еще; но знала наверняка, что ребенок рвется наружу.

«Хватит упражняться в кун-фу, слышишь меня?»

Джейн швырнула сумочку и ключи на кухонный столик, скинула у двери туфли и повесила форменный пиджак на спинку стула. Два дня назад ее муж Габриэль уехал в Монтану в составе бригады ФБР, расследующей дело о тайных складах оружия. С его отъездом в квартире воцарилась прежняя уютная анархия, правившая здесь до свадьбы. Пока не вселился Габриэль, который ввел некоторое подобие дисциплины. Впрочем, чего можно ожидать от бывшего морского пехотинца? У него даже каст рюли и сковородки были рассортированы по размеру.

В спальне она увидела свое отражение. Джейн едва узнавала себя – щекастую, неуклюжую, с огромным животом в безразмерных брюках для беременных. «Когда я умудрилась исчезнуть? – подумала она. – Или я все еще здесь, прячусь где-то в этом бесформенном теле?» Она принялась разглядывать незнакомку в зеркале, вспоминая о том, каким плоским был когда-то ее живот. Ей не нравилось располневшее лицо, по-детски розовые щеки. Габриэль называл это сиянием беременности, пытаясь убедить жену в том, что она вовсе не похожа на лоснящуюся самку кита. «Эта женщина не я, – думала Риццоли. – Она не может быть копом, который вышибает двери и ловит преступников».

Джейн плюхнулась на кровать, раскинув руки, словно птица, готовая взлететь. Белье пахло Габриэлем. «Я соскучилась по тебе», – подумала она. Нет, не таким должен быть брак. Две профессии, двое помешанных на работе людей. Габриэль в разъездах, она дома одна.

Но ведь она с самого начала знала, что будет нелегко. Что будет много таких ночей, как сегодня, когда работа разлучит их. Она хотела опять позвонить ему, но сегодня утром они уже два раза общались по телефону, и эти разговоры были весьма разорительны.

Да черт с ними, с деньгами.

Она перекадилась на бок, приподнялась и уже потянулась к телефону, стоявшему на тумбочке, но вдруг раздался звонок. Она удивленно взглянула на определитель. Номер был незнакомым – не Габриэля.

Она сняла трубку:

– Алло.

– Детектив Риццоли? – произнес мужской голос.

– Да, слушаю.

– Прошу прощения за поздний звонок. Я только что вернулся в город и...

– Кто это говорит?

– Детектив Баллард, Ньютонское полицейское управление. Я так понимаю, вы возглавляете расследование по вчерашнему убийству в Бруклине. Жертва по имени Анна Джессоп.

– Да, верно.

– В прошлом году я вел одно дело. В нем фигурировала женщина по имени Анна Джессоп. Не знаю, та ли это женщина, но...

– Вы сказали, что вы из ньютонской полиции?

– Да.

– Вы могли бы опознать мисс Джессоп, если бы увидели ее останки?

Последовала пауза.

– Думаю, это необходимо. Мне нужно убедиться в том, что это она.

– А если окажется, что это она?

– Тогда я знаю, кто ее убил.

Еще до того, как детектив Рик Баллард достал свое удостоверение, Риццоли догадалась, что этот человек из полиции. Как только она

вошла в приемную бюро судмедэкспертизы, он сразу же встал по стойке смирно. Взгляд его ярко-голубых глаз был прямым, русые волосы аккуратно подстрижены, а рубашка по-военному идеально отглажена. Своей сдержанностью и уверенностью он напоминал Габриэля, а его твердый взгляд, казалось, говорил: на меня можно положиться. Ей вдруг на мгновение захотелось выглядеть привлекательной и иметь прежнюю тонкую талию. Во время приветствий – пока они жали друг другу руки, а она рассматривала его удостоверение – Джейн чувствовала, что Рик изучает ее лицо.

«Полицейский до мозга костей», – решила она.

– Вы готовы? – спросила Риццоли. Ньютонский детектив кивнул, и она обратилась к секретарю: – Доктор Бристол уже внизу?

– Да, он как раз заканчивает вскрытие. Просил, чтобы вы спускались.

На лифте они спустились в вестибюль морга, где в шкафчиках хранились бахилы, маски и бумажные колпаки. Сквозь большое смотровое окно они могли видеть секционный зал, где доктор Бристол и Йошима работали над трупом костлявого старика. Бристол заметил их и приветственно помахал рукой.

– Еще десять минут! – сказал он.

Риццоли кивнула:

– Мы подождем.

Бристол только что сделал надрез кожи черепа. И теперь отделял ее от кости, разрушая лицо.

– Ненавижу эту часть вскрытия, – сказала Риццоли. – Когда они начинают уродовать лицо. Остальное еще терпимо.

Баллард промолчал. Джейн взглянула на него и заметила, как напряглась у него спина, а на лице появилось выражение мрачной стойкости. Поскольку он не занимался расследованием убийств, в морге ему вряд ли приходилось бывать часто и предстоящее зрелище наверняка вызывало у него ужас. Она вспомнила свой первый визит в секционный зал во время учебы в академии. Единственная женщина, она была ниже всех шестерых мускулистых

курсантов мужского пола. Все ждали, что девчонка не выдержит и сбежит. Но она заняла место в первом ряду, в самом центре и даже ни разу не поморщилась, пока шло вскрытие. А вот самый крепкий из курсантов побледнел и, шатаясь, опустился на ближайший стул. Интересно, а вдруг то же самое произойдет и с Баллардом? В свете флуоресцентных ламп его кожа приобрела мертвенно-бледный оттенок.

Между тем в секционном зале Йошима начал отпиливать свод черепа. Казалось, звук, производимый движущимся лезвием при соприкосновении с костью, доконал Балларда. Он отвернулся от смотрового окна и принялся разглядывать коробки с перчатками разных размеров, расставленные на полках. Риццоли не сочувствовала ему. Стыдно такому мужественному с виду парню расклеиваться на глазах у женщины-полицейского.

Она сунула ему табуретку, а затем подвинула еще одну для себя:

– Мне сейчас тяжело подолгу стоять на ногах.

Баллард уселся, явно испытывая облегчение оттого, что можно не смотреть на пилу.

– Это ваш первый? – спросил он, кивая на живот.

– Ага.

– Мальчик или девочка?

– Не знаю. Мы будем рады в любом случае.

– Я тоже так думал, когда родилась моя дочь. Десять пальчиков на руках и десять на ногах – вот все, о чем я мечтал... – Он немного помолчал и с трудом сглотнул, когда снова заработала пила.

– И сколько сейчас вашей девочке? – спросила Риццоли, пытаясь отвлечь его.

– Четырнадцать, из молодых, да ранняя. Теперь нам уже не до смеха.

– Да, трудный возраст.

– Видите, сколько у меня седых волос?

Риццоли рассмеялась:

– Моя мама тоже всегда так делала. Показывала на свою голову и говорила: «Эти седые волосы – на твоей совести». Должна признаться, в четырнадцать лет я не была ангелом. Что поделаешь, переходный возраст.

– Да, и к тому же у нас свои проблемы. В прошлом году мы с женой разъехались. Кэти разрывается между нами. Двое работающих родителей, два дома.

– Должно быть, это очень тяжело для ребенка.

К счастью, пила смолкла. Риццоли видела, как Йошима отделяет свод черепа, а Бристол осторожно достает из черепной коробки мозг. Баллард не смотрел в секционный зал, сосредоточив внимание на Риццоли.

– Трудно, наверное, да? – произнес он.

– О чем вы?

– Работать в полиции. Ну, в вашем положении.

– По крайней мере, теперь никто не заставляет меня вышибать двери.

– Моя жена только начинала работать в полиции, когда забеременела.

– Она тоже из ньютонского управления?

– Нет, из бостонского. Ее хотели сразу же отстранить от дежурств. Но она сказала, что беременность имеет свои преимущества. Преступники становятся любезнее.

– Преступники? Со мной они не любезничают.

В соседней комнате Йошима уже зашивал труп, орудуя иглой и кетгутом, словно портной смерти, который оттачивает свое мастерство не на полотне, а на мертвых человеческих тканях. Бристол снял перчатки, помыл руки и, тяжело передвигаясь, вышел навстречу посетителям.

– Извините, что заставил вас ждать. Вскрытие немного затянулось. У этого парня опухоли по всей брюшной полости, но он никогда не обращался к врачам. Что ж, в итоге достался мне. – Он протянул

Балларду еще влажную мясистую руку. – Детектив, я так понимаю, вы пришли посмотреть наш огнестрел.

Риццоли заметила, как напрягся Баллард.

– Детектив Риццоли попросила меня сделать это.

Бристол кивнул:

– Что ж, пойдете. Она в морозильной камере.

Патологоанатом провел их через секционный зал к другой двери, которая вела в морозильное отделение. Оно напоминало обычное помещение для хранения мяса с температурными датчиками и массивной стальной дверью. На стене висела таблица с указанием времени доставки трупов. Старик, которого только что вскрывал Бристол, тоже фигурировал в списке; его привезли вчера в одиннадцать часов вечера. Вряд ли нашлись бы желающие попасть в такой реестр.

Бристол открыл дверь, и наружу вырвались несколько облачков пара. Детективы шагнули в помещение, и от запаха охлажденного мяса Риццоли едва не стошнило. Забеременев, Риццоли потеряла способность адаптироваться к омерзительным запахам: стоило ей почувствовать дух разложения, как она оказывалась у ближайшего умывальника. На этот раз ей удалось сдержать приступ тошноты, и она с мрачной решимостью принялась изучать ряд стоявших перед ними каталок. Там было пять трупов, упакованных в белые пластиковые мешки.

Бристол стал изучать прикрепленные к мешкам ярлыки. У четвертого трупа он остановился.

– Вот наша девушка, – сказал Эйб и расстегнул мешок до середины, открывая верхнюю часть туловища с уже зашитым U-образным надрезом.

Еще один портняжный шедевр Йошимы.

Когда расстегнули мешок, Риццоли взглянула не на мертвую женщину, а на Рика Балларда. Он молча смотрел на труп. Судя по всему, зрелище повергло его в шок.

– Ну? – спросил Бристол.

Баллард моргнул, словно вышел из транса.

– Это она, – выдохнул он.

– Вы абсолютно уверены?

– Да. – Баллард с трудом сглотнул. – Что же случилось? Что вам удалось обнаружить?

Бристол взглянул на Риццоли, как бы испрашивая разрешения на разглашение информации. Она кивнула.

– Одиночный выстрел в левый висок, – начал Эйб, указывая на входную рану. – Сильные повреждения левого полушария, а также обеих теменных долей большого мозга вследствие внутричерепного рикошета. Обширное внутричерепное кровоизлияние.

– Это единственная рана?

– Верно. Смерть наступила мгновенно.

Взгляд Балларда скользнул ниже, по груди убитой. Это обычная реакция мужчины при виде обнаженной женщины, но Риццоли все равно возмутилась. Живая или мертвая, Анна Джессоп имела право на уважение. Джейн испытала облегчение, когда доктор Бристол с обыденным видом застегнул мешок, возвращая усопшей право на покой.

Они вышли из морозильной камеры, и Эйб закрыл тяжелую стальную дверь.

– Вам известно, есть ли у нее родственники? – спросил он. – Мы должны кому-нибудь сообщить о ее смерти?

– У нее никого нет, – сказал Баллард.

– Вы так в этом уверены?

– У нее нет живых... – Он вдруг осекся и замер, уставившись в смотровое окно.

Риццоли обернулась, чтобы проследить за направлением его взгляда, и сразу же поняла, что привлекло его внимание. В секционный зал зашла доктор Маура Айлз с ворохом рентгеновских снимков. Она подошла к экрану проектора, развесила снимки и включила свет. Разглядывая очертания раздробленных костей, она и

не догадывалась, что за ней наблюдают. Три пары глаз смотрели на нее сквозь стекло.

– Кто это? – пробормотал Баллард.

– Это одна из наших патологоанатомов, – объяснил Бристол. – Доктор Маура Айлз.

– Сходство пугающее, верно? – заметила Риццоли.

Баллард медленно покачал головой:

– В первый момент я подумал...

– Мы все так подумали, когда впервые увидели жертву.

В соседнем помещении Маура складывала снимки в конверт. Она вышла из зала, так и не узнав, что все это время была объектом чьего-то внимания. «Как легко следить за другими, – подумала Риццоли. – У человека нет шестого чувства, которое подсказало бы, что за ним наблюдают. Мы не чувствуем взглядов преследователей на наших спинах; только уловив движение, мы понимаем, что там кто-то есть».

Риццоли обернулась к Балларду:

– Итак, вы увидели Анну Джессоп. И подтвердили, что знали ее. А теперь скажите нам, кем она была на самом деле.

5

Чудо автомобильной техники. В таких восторженных тонах расписывали этот мощный автомобиль рекламные плакаты, так называл его Дуэйн, и вот сейчас Мэтти Первис пилотировала его по Уэст-Сентрал-стрит, смаргивая слезы. В ее голове стучало: «Ты должен быть там, Дуэйн. Пожалуйста, будь там». Беда в том, что она не знала, застанет ли его. В последнее время с мужем творилось что-то странное, ей непонятное, как будто его место занял незнакомец, чужой человек, которому не было до нее никакого дела. Он даже не смотрел в ее сторону. «Я хочу вернуть своего мужа. Но ведь я даже не знаю, как потеряла его».

Впереди замаячила вывеска «ПЕРВИС „БМВ“»; Мэтти свернула на стоянку и, проехав мимо других таких же сверкающих шедевров, заметила автомобиль Дуэйна, припаркованный прямо у входа в демонстрационный зал.

Она поставила машину рядом и заглушила двигатель. Какое-то время сидела в машине, выполняя дыхательные упражнения. Очистительное дыхание по методике Ламаза, которому ее обучили на курсах. Дуэйн перестал посещать занятия с месяц назад, сказав, что считает это пустой тратой времени. «Ты же рождаешь, а не я. Зачем мне туда ходить?»

Уф, пожалуй, она слишком увлеклась упражнениями. Испытав легкое головокружение, Мэтти оперлась на руль. Нечаянно нажала на клаксон и вздрогнула от пронзительного звука. Она выглянула в окно и заметила, что на нее смотрит один из механиков. На идиотку-жену Дуэйна, которая сигналил без толку. Ее лицо вспыхнуло. Толкнув дверцу, Мэтти бережно высвободила из салона свой огромный живот и прошла в демонстрационный зал «БМВ».

Внутри пахло кожей и автомобильным воском. «Афродизиак для настоящих мужчин» – так называл Дуэйн эту смесь запахов, вызвавшую у Мэтти легкую тошноту. Она остановилась среди

роскошных соблазнительниц демонстрационного зала: в свете прожекторов новейшие модели сверкали чувственно изогнутыми хромированными боками. В этом зале мужчина просто терял голову. Оглаживая крылья с оттенком «металлик», подолгу разглядывая свое отражение в лобовом стекле, он попадал в мечту. И на мгновение становился тем, кем бы он мог быть, если бы владел одной из этих машин.

– Госпожа Первис!

Мэтти обернулась и увидела Барта Тейера, менеджера по продажам, который махал ей рукой.

– Привет, – кивнула она.

– Ищете Дуэйна?

– Да. Где он?

– Я думаю, мм... – Барт бросил взгляд на дверь офиса. – Сейчас я посмотрю.

– Не стоит, я сама найду его.

– Нет! То есть я хотел сказать, мм, давайте я позову его, хорошо? Вам лучше присесть, расслабиться. В вашем положении нельзя так долго стоять. – Смешно было слышать это от Барта, чей живот был больше, чем у Мэтти.

Она с трудом выдавила улыбку:

– Я просто беременна, Барт. Но я не калека.

– И когда же это случится?

– Через две недели. Во всяком случае, мы так думаем. А там как получится.

– И то правда. Мой первый сын никак не хотел появляться на свет. Родился на три недели позже срока и с тех пор всю жизнь опаздывает. – Он подмигнул Мэтти. – Я все-таки пойду поищу Дуэйна.

Барт направился к офису. Она поплелась следом, издали наблюдая, как он стучит в дверь кабинета Дуэйна. Ответа не последовало, Барт постучал снова. Наконец дверь открылась, и

Дуэйн высунул голову. Он вздрогнул, когда увидел в зале Мэтти, махавшую ему рукой.

– Можно с тобой поговорить? – крикнула она.

Дуэйн вышел из кабинета, закрыв за собой дверь.

– Что ты здесь делаешь? – рявкнул он.

Барт поочередно взглянул на каждого из супругов и начал медленно пятиться к выходу.

– Э-э, Дуэйн, я, пожалуй, пойду выпью чашечку кофе.

– Да-да, – пробормотал Дуэйн. – Не возражаю.

Барт удалился. Муж и жена посмотрели друг на друга.

– Я ждала тебя, – сказала Мэтти.

– Что?

– Я была у врача, Дуэйн. Ты сказал, что придешь. Доктор Фишман ждала двадцать минут, дольше она не могла. Ты пропустил сеанс ультразвука.

– О господи. Совсем забыл. – Дуэйн коснулся рукой своих волос и пригладил черные пряди. Он очень трепетно относился и к своей стрижке, и к рубашке с галстуком. «Когда имеешь дело с продуктом высшего качества, – любил повторять он, – и сам должен выглядеть на все сто». – Прости.

Она полезла в сумочку и достала полароидный снимок:

– Ты даже не хочешь взглянуть на фотографию?

– Что это?

– Наша дочка. Это снимок сонограммы.

Он взглянул на фотографию и пожал плечами:

– Ничего не видно.

– Ну вот же ее ручка, а это ножка. Если присмотреться, можно увидеть даже личико.

– Да, здорово. – Он вернул ей снимок. – Я сегодня немного задержусь, хорошо? К шести придет клиент на тест-драйв. Я поужинаю где-нибудь сам.

Мэтти убрала снимок в сумочку и вздохнула:

– Дуэйн...

Он торопливо чмокнул ее в лоб:

– Пойдем, я провожу тебя.

– Мы не могли бы пойти выпить где-нибудь по чашечке кофе или еще чего-нибудь?

– У меня клиенты.

– Но в зале никого нет.

– Мэтти, прошу тебя, не мешай мне работать, хорошо?

Внезапно открылась дверь кабинета Дуэйна. Мэтти резко обернулась и увидела долговязую блондинку, которая быстро шмыгнула в соседний кабинет.

– Кто это? – спросила Мэтти.

– Что?

– Эта женщина, которая только что была у тебя в кабинете.

– А, эта? – Он откашлялся. – Новая сотрудница. Я так подумал и решил, что неплохо бы нанять менеджера женщину. Ну, понимаешь, немножко разбавить команду. Она оказалась бесценным кадром. В прошлом месяце продала машин больше, чем Барт, а это кое-что да значит.

Мэтти смотрела на закрытую дверь кабинета Дуэйна и думала: «Вот когда это началось. Месяц назад. Вот когда все изменилось между нами и в Дуэйна вселился чужой человек».

– Как ее зовут? – спросила она.

– Послушай, мне действительно некогда.

– Я просто хочу знать ее имя. – Она обернулась, посмотрела на мужа и в то же мгновение увидела виноватый блеск в его глазах, яркий, как свет неоновых огней.

– О господи. – Он отвернулся. – Этого мне еще не хватало.

– Э-э, госпожа Первис, – раздался голос Барта, который ожидал Мэтти у выхода. – Знаете, у вас спустило колесо. Мне только что механик показал.

Она удивленно посмотрела на него:

– Нет. Я... я не заметила.

– Как можно не заметить, что спущено колесо? – встрял Дуэйн.

– Ну, может быть... да, пожалуй, машину слегка заносило, но...

– Поразительная беспечность.

Дуэйн отвернулся от нее и зашагал к выходу. «Уходит от меня, как всегда, – подумала она. – А теперь еще и рассердился. Как так получилось, что я кругом виновата?»

Они с Бартом последовали за Дуэйном к ее машине. Он уже сидел на корточках возле правого заднего колеса и качал головой.

– Можешь поверить, что она этого не заметила? – обратился он к Барту. – Ты только взгляни на эту шину! Она просто уничтожила ее, черт возьми!

– Ничего, бывает, – сказал Барт. И сочувственно взглянул на Мэтти. – Послушай, я попрошу Эда установить новую шину. Никаких проблем.

– Но ты только взгляни на диск, он же покорежен. Как ты думаешь, сколько миль она так промоталась? Разве можно быть такой темной?

– Да ладно тебе, Дуэйн, – попытался успокоить его Барт. – Ничего страшного.

– Я не знала, – пробормотала Мэтти. – Извини.

– И ты ехала на таком колесе от врача? – Дуэйн бросил на нее взгляд через плечо, и злость, полыхавшая в его глазах, всерьез напугала ее. – Ты что, мечтала?

– Дуэйн, я не знала.

Барт похлопал Дуэйна по плечу:

– Да хватит тебе сердиться, а?

– А тебя вообще никто не спрашивает! – огрызнулся Дуэйн.

Барт ретировался, жестом показав, что сдается:

– Хорошо, хорошо.

Он мельком взглянул на Мэтти, посылая молчаливый сигнал: «Удачи тебе, дорогуша!»

– Это всего лишь шина, – сказала Мэтти.

– От тебя, наверное, искры сыпались по дороге. Как ты думаешь, сколько народу видело, как ты едешь?

– Какое это имеет значение?

– Здравствуйте! Это же «бумер». Сидя за рулем такой машины, ты должна держать марку. Люди видят автомобиль и думают, что за рулем тоже кто-то стильный и классный. А ты мчишься со спущенным колесом, это же антиреклама. Из-за тебя обо всех водителях «бумера» будут думать плохо. И обо мне.

– Но это всего лишь шина.

– Вот заладила одно и то же!

– Но это правда.

Дуэйн брезгливо поморщился и выпрямился:

– Сдаюсь.

Она сглотнула слезы:

– Дело ведь не в шине. Верно, Дуэйн?

– Что?

– Ну, эта стычка. Между нами что-то происходит.

Его молчание лишь усугубило ситуацию. Он не смотрел ей в глаза, а обернулся на механика, который направлялся к ним.

– Эй! – крикнул механик. – Барт велел поменять шину.

– Да, займись, пожалуйста.

Дуэйн замолчал: его внимание привлекла «тойота», которая только что въехала на стоянку. Из машины вышел мужчина и принялся разглядывать одну из новеньких «БМВ». Пригнулся, чтобы прочитать дилерскую маркировку на лобовом стекле. Дуэйн пригладил волосы, поправил галстук и направился к потенциальному покупателю.

– Дуэйн! – окликнула его Мэтти.

– У меня клиент.

– Но я твоя жена.

Он обернулся и пробуравил ее ядовитым взглядом: «Хватит. Прекрати, Мэтти».

– Что мне нужно сделать, чтобы привлечь твое внимание? – крикнула она. – Купить в твоём салоне машину? Тебя только этим

проймешь? Во всяком случае, другого способа я не вижу. – Ее голос дрогнул. – Не вижу.

– Может, лучше оставить эти попытки? По-моему, они бессмысленны.

Она посмотрела ему вслед. Видела, как на полпути к покупателю он на мгновение остановился, расправил плечи, нацепил улыбку. Его голос неожиданно стал мягким и дружелюбным, когда он поприветствовал клиента.

– Госпожа Первис! Мэм!

Она сморгнула слезы и повернулась к механику.

– Мне понадобятся ваши ключи, если не возражаете. Я отгоню машину в бокс и поменяю резину. – Он протянул ей свою замасленную руку.

Не говоря ни слова, она передала ему связку ключей и обернулась, чтобы еще раз увидеть Дуэйна. Но он даже не взглянул в ее сторону. Как будто Мэтти была невидимкой. Пустым местом.

Она не помнила, как доехала домой.

Опомнилась лишь за кухонным столом перед стопкой с почтой, в ее руках все еще были ключи. Сверху лежал конверт с банковским счетом, выписанный на имя господина и госпожи Дуэйн Первис. Господин и госпожа. Она вспомнила тот день, когда ее впервые назвали госпожой Первис, и ту радость, которая охватила ее при этом. Госпожа Первис, госпожа Первис.

«Госпожа Никто».

Ключи упали на пол. Она уронила голову на руки и заплакала. Малыш брыкался у нее в животе, а она все плакала и плакала, пока не заболело горло, пока стопка почты не намокла от слез.

«Хочу, чтобы он стал таким, как прежде, когда любил меня».

Сквозь собственные всхлипывания она услышала скрип гаражной двери. Слезы разом высохли, в сердце всколыхнулась надежда.

«Он дома! Вернулся, чтобы попросить прощения».

Мэтти так резко вскочила со стула, что опрокинула его. Вне себя от счастья, она бросилась к двери. И с недоумением уставилась на

единственный автомобиль, стоявший в полумраке гаража. Это была ее машина.

– Дуэйн! – позвала она.

Краем глаза она увидела узкую полоску солнечного света, которая пробивалась из приоткрытой боковой двери. Мэтти направилась к двери и, уже захлопывая ее, услышала за спиной шаги. Ужас сковал ее, и сердце бешено забилося, когда она догадалась, что в гараже есть кто-то еще.

Она повернула голову. И в то же мгновение ее встретила темнота.

6

Маура сделала шаг, и яркое полуденное солнце сменилось прохладным полумраком церкви Пресвятой Богородицы. Поначалу она смогла различить лишь тени: смутные очертания скамей и одинокий силуэт прихожанки, сидевшей в первом ряду со склоненной головой. Маура скользнула в проход и опустилась на скамейку. Пока глаза привыкали к темноте, она позволила себе расслабиться, наслаждаясь благословенной тишиной. Прямо над ней находилось витражное окно, в насыщенных тонах изображавшее женщину с пышными локонами; она с вожделением смотрела на дерево, на котором висело кроваво-красное яблоко. Ева в райском саду.

Женщина-искусительница, соблазнительница. Разрушительница. Маура ощутила прилив беспокойства и перевела взгляд на другой витраж. Хотя она и воспитывалась в католической семье, в церкви ей всегда было неуютно. Разглядывая изображения святых мучеников, она не могла отделаться от мысли, что, сотканные из плоти и крови, они не могли быть безгрешными. И их жизненный путь наверняка был усеян и пороками, и ошибками, и мелочными желаниями. Она, как никто другой, знала, что совершенство несвойственно природе человека.

Она поднялась со скамьи, повернулась к проходу и замерла. Прямо перед ней стоял отец Брофи, и свет, лившийся из витражных окон, окрашивал его лицо разноцветными тенями. Он подошел очень тихо – Маура не слышала его шагов, – и вот теперь они стояли друг перед другом, не решаясь нарушить молчание.

– Надеюсь, вы еще не уходите, – наконец произнес Даниэл.

– Я зашла на минутку, просто чтобы отвлечься, подумать.

– В таком случае я рад, что успел застать вас. Поговорим?

Она оглянулась на дверь, словно обдумывая возможность улизнуть. Потом вздохнула:

– Да. Пожалуй.

Женщина, которая сидела в первом ряду, обернувшись, наблюдала за ними. «Интересно, как это выглядит со стороны? – подумала Маура. – Молодой священник. Привлекательная женщина. Шепчутся под взглядами святых».

Отец Брофи, казалось, разделял неловкость Мауры. Он бросил взгляд на прихожанку и произнес:

– Лучше не здесь.

Они вышли в парк Джамайка-Риверуэй и побрели по тенистой аллее вдоль реки. В этот теплый день компанию им составляли бегуны, велосипедисты и мамы с колясками. В таком многолюдном месте священник и встревоженная прихожанка вряд ли могли стать причиной для сплетен. «Так у нас и должно быть, – думала Маура, ныряя под развесистые ветви ивы. – Никаких поводов для скандала, ни намек на грех. То, чего я больше всего хочу от него, он не может мне дать. И все равно я здесь, рядом с ним».

Все равно мы вместе.

– Я все думал, когда же ты зайдешь, – сказал он.

– Я собиралась. Но неделя была очень тяжелая. – Она остановилась и устремила взгляд на реку. Гул городского транспорта заглушал плеск бегущей воды. – Сейчас я все время думаю о смерти.

– А раньше не думала?

– Думала, но не так. Когда на прошлой неделе я присутствовала на вскрытии...

– Ты присутствовала на них много раз.

– Да, но я не просто присутствовала, Даниэл. Я сама проводила их. Держала в руках скальпель, резала. Я делаю это почти каждый день и никогда еще не тревожилась по этому поводу. Может, я и огрубела на этой работе и уже не задумываюсь о том, что на самом деле режу человеческую плоть. Но в тот день вскрытие коснулось меня лично. Я смотрела на труп и видела себя на секционном столе. И теперь я не могу взять в руки скальпель, не вспомнив о ней. О том,

какой была ее жизнь, что она чувствовала, о чем думала в тот момент, когда... – Маура запнулась и вздохнула. – В общем, тяжело возвращаться к работе. Вот и все.

– А это обязательно?

Вопрос святого отца, казалось, озадачил ее.

– А разве у меня есть выбор?

– Ты так говоришь, будто это рабская повинность.

– Это моя работа. Это я умею.

– Но это не значит, что ты должна так работать. Зачем тебе это?

– А зачем ты стал священником?

Настала его очередь растеряться. Отец Брофи на мгновение задумался, и блеск его голубых глаз приглушила тень от ивовых ветвей.

– Я принял это решение так давно, – произнес он, – что уже перестал задумываться и задавать себе вопросы.

– Ты, должно быть, очень верил.

– Я до сих пор верую.

– Разве этого не достаточно?

– Неужели ты в самом деле считаешь, что достаточно одной лишь веры?

– Нет, конечно нет.

Маура развернулась и пошла дальше по тропинке, испещренной солнечными бликами. Избегая встречаться с ним взглядом, опасаясь, что он прочтет слишком много в ее глазах.

– Иногда полезно оказаться лицом к лицу со смертью, – сказал он. – Это заставляет нас заново взглянуть на собственную жизнь.

– Я бы предпочла не делать этого.

– Почему?

– Я не сильна в самоанализе. Уроки философии меня всегда раздражали. На эти вопросы нет ответов. Вот физика и химия – другое дело. Это я могу понять. Естественные науки действуют на меня успокаивающе, потому что их законы воспроизводимы и упорядочены. – Она остановилась и проводила взглядом женщину

на роликах, толкавшую перед собой коляску с младенцем. – Я не люблю того, что не поддается объяснению.

– Понимаю. Ты всегда стремишься решить уравнение. Вот почему убийство этой женщины выбило тебя из колеи.

– Это убийство – вопрос без ответа. Именно то, что меня бесит.

Маура присела на скамейку лицом к реке. День угасал, и в сгущающихся тенях вода казалась черной. Даниэл опустился рядом, и, хотя они не касались друг друга, она так остро ощущала его присутствие, что, казалось, его тепло обжигало ее обнаженную руку.

– Ты узнала что-нибудь новое от детектива Риццоли?

– Похоже, она не очень-то хочет держать меня в курсе.

– А ты ожидала, что она поступит иначе?

– Как полицейский, она, конечно, не имеет права посвящать меня в подробности.

– А как друг?

– Вот-вот, и я думала, что мы друзья... Но она сказала так мало.

– Нельзя осуждать ее. Жертва была найдена убитой возле твоего дома. Вполне резонно предположить...

– Что? Что я подозреваемая?

– Или что хотели убить тебя. Именно так мы все и подумали той ночью. Что в машине ты. – Он устремил взгляд на воду. – Ты сказала, что не можешь забыть вскрытие. А я не могу забыть ту ночь, когда стоял возле твоего дома в окружении полицейских патрулей. Я не мог поверить, что все это происходит наяву. Я отказывался верить.

Оба замолчали. Перед ними текла полноводная темная река, а за их спинами – река автомашин.

– Ты поужинаешь со мной сегодня? – внезапно спросила Маура.

Он ответил не сразу, и она вспыхнула от смущения. Какой глупый вопрос! Ей захотелось забрать слова назад, прожить заново последние шестьдесят секунд. Насколько проще было бы попрощаться и уйти. Но вместо этого она выпалила безумное приглашение, которое, как они оба знали, ему не следовало принимать.

– Извини, – пробормотала она. – Я понимаю, это не самая удачная идея...

– Отчего же, – сказал он. – С удовольствием.

Она резала помидоры для салата, и нож дрожал в ее руке. На плите дымилась кастрюля с цыпленком в винном соусе, и кухня постепенно наполнялась ароматами красного вина и курицы. Простое и знакомое блюдо, которое она могла приготовить быстро и легко, не заглядывая в кулинарную книгу. Да она и не смогла бы приготовить ничего более изысканного. Ее мысли были заняты мужчиной, который сейчас разливал по бокалам пино-нуар.

– Что еще я могу сделать? – спросил он, поставив один бокал на столик перед ней.

– Ничего.

– Приготовить соус для салата? Помыть зелень?

– Я пригласила тебя сюда не для того, чтобы ты готовил. Просто подумала, что здесь уютнее, чем в ресторане, где так многолюдно.

– Ты, должно быть, устала все время быть на виду, – сказал он.

– В данном случае я больше думала о тебе.

– Даже священники ужинают в ресторанах, Маура.

– Нет, я имела в виду... – Она почувствовала, что краснеет, и снова занялась помидорами.

– Думаю, люди удивились бы, увидев нас вместе, – сказал он и устремил взгляд на Мауру.

На какое-то время в кухне воцарилась тишина, нарушаемая лишь стуком ножа по разделочной доске.

«Что делать со священником в кухне? – гадала она. – Попросить его благословить пищу?» Ни один мужчина так не смущал ее, ни с кем она не чувствовала себя такой уязвимой и порочной. «А есть ли у тебя пороки, Даниэл? – подумала она, высыпая нарезанные помидоры в салатницу и поливая их оливковым маслом и бальзамическим уксусом. – Защищает ли белый воротник от искушения?»

– Позволь мне хотя бы нарезать огурец, – попросил он.

– Ты что, не можешь по-настоящему расслабиться?

– Не могу сидеть сложа руки, когда другие трудятся.

Маура рассмеялась:

– Тогда подключайся.

– Я безнадежный трудоголик. – Он вынул нож из деревянной подставки и принялся нарезать огурец, чей свежий летний аромат тотчас наполнил кухню. – Когда у тебя пятеро братьев и сестра, все время приходится помогать.

– Так вас семеро детей? Боже мой!

– Уверен, то же самое говорил мой отец, когда узнавал, что на подходе очередной ребенок.

– И каким по счету был ты?

– Четвертым. В самой серединке. И по утверждению психологов, это означает, что я прирожденный примиритель. Вечно пытаюсь сохранить мир и покой. – Даниэл с улыбкой взглянул на нее. – А еще это означает, что я умею быстро принимать душ.

– И как же ты превратился из четвертого ребенка в священника?

Он перевел взгляд на разделочную доску.

– Как ты сама понимаешь, это долгая история.

– О которой тебе не хочется говорить?

– Возможно, мои мотивы покажутся тебе нелогичными.

– Забавно, но самые важные решения, как правило, бывают совершенно нелогичными. Взять, например, выбор спутника жизни. – Она глотнула вина и снова поставила бокал на столик. – Я, например, не смогла бы найти логичные доводы, чтобы оправдать свой брак.

Даниэл поднял взгляд:

– Страсть?

– Именно. Вот так я совершила самую большую ошибку в своей жизни. Пока самую большую. – Она снова глотнула вина. «А ты можешь стать следующей. Если бы Господь хотел от нас повиновения, Он не должен был создавать искушение».

Даниэл выложил нарезанные огурцы в салатницу. Маура наблюдала за тем, как он, стоя к ней спиной, ополаскивал нож в раковине. Высокий и стройный, он напоминал марафонца. «Зачем мне все это? – думала она. – Почему я выбрала именно его из всех мужчин, достойных внимания?»

– Ты спрашивала, почему я стал священником, – произнес он.

– И почему же?

Он обернулся и взглянул на нее:

– У моей сестры была лейкемия.

В замешательстве она не знала, что сказать. Не нашла подходящих слов.

– Софии было шесть лет, – продолжал Даниэл. – Она была самой младшей в нашей семье и единственной девочкой. – Он потянулся к полотенцу и вытер руки, потом аккуратно и неспешно повесил его на крючок, словно обдумывая, что сказать дальше. – Острая лимфоцитарная лейкемия. Наверное, этот вид болезни можно назвать удачным, если к лейкемии вообще применимы такие понятия.

– У детей эта болезнь с благоприятным прогнозом. Восемьдесят процентов больных вылечиваются.

Достоверное с научной точки зрения утверждение, но Маура тотчас пожалела о том, что высказала его. Бесстрастная доктор Айлз, привыкшая оперировать фактами и безжалостной статистикой. Вот так всегда она реагировала на чужие страдания, привычно играя роль ученого. Друг только что умер от рака легких? Родственник покалечился в автокатастрофе? Для каждой трагедии у нее находились нужные статистические данные, которые вселяли оптимизм и уверенность.

Она гадала, не показалось ли Даниэлу, что она отреагировала слишком безразлично и бессердечно. Но он не казался обиженным. Просто кивнул, приняв ее статистические сведения так, как она их и преподнесла, – в виде констатации факта.

– В то время пятилетние дети выживали значительно реже, чем сейчас, – сказал он. – К тому моменту, когда ей поставили диагноз, она уже была плоха. Не могу передать, насколько мучительно это было для всех нас. Особенно для матери. Ее единственная девочка. Ее малышка. Мне тогда было четырнадцать, и я взял на себя ответственность присматривать за Софией. Несмотря на повышенное внимание к себе, она никогда не была испорченной и избалованной. И всегда оставалась на редкость милым ребенком. – Он не смотрел на Мауру, а уставился в пол, как будто не хотел раскрывать перед ней всю глубину своей боли.

– Даниэл! – позвала она.

Брофи глубоко вздохнул и выпрямился:

– Не знаю, как рассказывать эту историю такому скептику, как ты.

– Что было потом?

– Доктор сообщил, что она безнадежна. В те времена мнение врача воспринималось как окончательный приговор. Вечером того же дня родители и братья пошли в церковь. Молиться о чуде. Так я думаю. Я остался в больнице у Софии. Она уже совсем облысела после курса химиотерапии. Помню, она заснула у меня на коленях, а я молился. Молился часами, давая самые нелепые клятвы Господу. Если бы она умерла, думаю, я бы уже никогда не переступил порог церкви.

– Но она выжила, – тихо произнесла Маура.

Он посмотрел на нее и улыбнулся:

– Да, выжила. А я сдержал все данные мной обещания. Все до одного. Потому что в тот день Он услышал меня. Я в этом не сомневаюсь.

– И где сейчас София?

– Счастлива в браке, живет в Манчестере. У нее двое приемных детей. – Он сел за кухонный стол напротив Мауры. – А я – это я.

– Отец Брофи.

– Теперь ты знаешь, почему я поступил именно так.

«Правильно ли?» – хотела спросить Маура, но не решилась.

Они снова наполнили бокалы. Маура нарезала хрустящий французский батон и перемешала салат. Разложила по тарелкам цыпленка в винном соусе. Путь к сердцу мужчины лежит через желудок – не к сердцу ли Даниэла Брофи она стремилась, не его ли хотела завоевать?

«Может быть, именно от сознания невозможности обладать им я себя чувствую так спокойно. Он недосягаем, поэтому не может навредить мне, как это сделал Виктор».

Но, выходя замуж за Виктора, она тоже не думала, что он когда-нибудь причинит ей боль.

«Мы только думаем, что мы неуязвимы».

Трапеза уже подошла к концу, когда раздался звонок в дверь, от которого они оба вздрогнули. Хотя вечер прошел невинно, они обменялись тяжелыми взглядами, словно любовники, застигнутые врасплох.

На пороге стояла Джейн Риццоли, от влажного воздуха ее волосы превратились в неуправляемый взрыв черных кудряшек. Хотя вечер был теплым, на ней был один из тех темных брючных костюмов, который она обычно носила на работе. По мрачному взгляду Риццоли Маура догадалась, что она пришла не для светской беседы. В руке у Риццоли был портфель.

– Извините, что беспокою вас дома, доктор. Но нам необходимо поговорить. Я подумала, лучше увидеться здесь, чем у вас в офисе.

– Это связано с тем делом?

Риццоли кивнула. Излишне было уточнять, о каком деле идет речь; они обе знали. Хотя доктор Айлз и Риццоли уважали друг друга как профессионалы, их отношения по-прежнему нельзя было назвать дружескими, и сейчас обе испытывали некоторую неловкость. «Что-то случилось, – подумала Маура. – Она меня в чем-то подозревает».

– Входите, пожалуйста.

Риццоли зашла в дом и остановилась, учуяв ароматы еды:

– Я помешала ужину?

– Нет, мы уже поели.

Слово «мы» не ускользнуло от внимания Риццоли. Она вопросительно посмотрела на Мауру. Услышала шаги и, обернувшись, увидела в коридоре Даниэла, который нес в кухню бокалы.

– Добрый вечер, детектив! – воскликнул он.

Риццоли удивленно заморгала:

– Отец Брофи?

Даниэл продолжил свой путь в кухню, а Риццоли повернулась к Мауре. Хотя Джейн ничего не сказала, было совершенно ясно, о чем она думает. То же самое подумала и прихожанка в церкви. «Да, со стороны это выглядит дурно, но ничего ведь не было. Ничего, кроме ужина и светской беседы. Какого черта ты так на меня смотришь?»

– Что ж, – выдохнула Риццоли.

Слишком большой смысл был вложен в эту скупую реплику. С кухни донеслось позвякивание посуды. Даниэл загружал ее в посудомоечную машину. Священник, который у нее в кухне чувствовал себя как дома.

– Я бы хотела поговорить с вами с глазу на глаз, если это возможно, – добавила Риццоли.

– Это обязательно? Отец Брофи мой друг.

– Разговор будет не из легких, доктор.

– Я же не могу выставить его за дверь. – Маура замолчала, услышав приближающиеся шаги Даниэла.

– Но мне действительно пора, – сказал он. И, бросив взгляд на портфель Риццоли, добавил: – Тем более что у вас деловой разговор.

– Да, вы правы, – подтвердила Риццоли.

Он улыбнулся Мауре:

– Спасибо за ужин.

– Подожди, – сказала Маура. – Даниэл! – Она вышла вместе с ним на крыльцо и закрыла за собой дверь. – Тебе не нужно уходить.

– Она хочет поговорить с тобой наедине.

– Извини, пожалуйста.

– За что? Вечер был чудесный.

– У меня такое чувство, будто я тебя выгоняю.

Он взял ее руку и сжал в своих теплых ладонях.

– Позвони мне, когда снова захочешь поговорить, – сказал он. – В любое время.

Она взглядом проводила его до машины. Когда Даниэл обернулся, чтобы махнуть ей рукой, в темноте мелькнул его воротник – белая вспышка в ночи.

Маура вернулась в дом. Риццоли все еще стояла в коридоре и наблюдала за ней. Разумеется, гадая об их отношениях с Даниэлом. Она не слепая и прекрасно понимает, что их дружба перерастает в нечто большее.

– Будете что-нибудь пить? – спросила Маура.

– С удовольствием. Только что-нибудь безалкогольное. – Риццоли погладила свой живот. – Малыш еще слишком мал, чтобы пьянствовать.

– Конечно.

Маура провела гостью по коридору, старательно играя роль гостеприимной хозяйки. В кухне она разложила по стаканам лед, налила апельсиновый сок. Себе в стакан плеснула немного водки. Обернувшись к столу, она увидела, что Риццоли выкладывает из портфеля папку.

– Что это? – поинтересовалась Маура.

– Может, сначала присядем, доктор? Потому что мои новости могут огорчить вас.

Маура опустилась на стул возле кухонного стола, Риццоли последовала ее примеру. Они оказались друг против друга, между ними лежала папка. «Ящик Пандоры, – думала Маура, разглядывая ее. – Может, мне лучше не знать, что внутри?»

– Помните, что я говорила вам об Анне Джессоп на прошлой неделе? Что самые ранние сведения о ней – шестимесячной давности и что ее местожительством числится пустая квартира?

– Вы называли ее фантомом.

– В некотором смысле это правда. Анны Джессоп на самом деле не существовало.

– Как это?

– А так. Анны Джессоп не было. Это вымышленное имя. А настоящее – Анна Леони. Примерно полгода назад она поменяла имя. Начала закрывать счета и покинула свой дом. С новыми документами она сняла квартиру в Брайтоне, в которую и не думала вселяться. Это был ложный след на случай, если кому-то удастся узнать ее новое имя. Потом она собрала свои вещи и переехала в штат Мэн. Поселилась в маленьком городке на побережье. Там и прожила последние два месяца.

– Как вам удалось это узнать?

– Я говорила с полицейским, который помог ей это сделать.

– С полицейским?

– Детектив Баллард из Ньютона.

– Выходит, вымышленное имя – не потому, что она скрывалась от правосудия?

– Нет. Наверное, вы и сами догадываетесь, от чего она скрывалась. Это старо как мир.

– Мужчина?

– К сожалению, очень богатый. Доктор Чарльз Касселл.

– Мне незнакомо это имя.

– «Касл фармасьютикалз». Он основал эту компанию. Анна работала у него научным сотрудником. У них началась связь, но спустя три года она попыталась уйти от него.

– А он ее не отпустил.

– Похоже, доктор Касселл не из тех, от кого можно уйти просто так. Однажды она объявилась в ньютонском травмопункте с фингалом под глазом. А потом стало еще страшнее. Началась слезка. Угрозы. В своем почтовом ящике она нашладохлую канарейку.

– Господи!

– Да, вот такая любовь. Иногда, чтобы остановить мужчину, нужно либо застрелить его, либо сбежать. Может, она бы осталась жива, если бы выбрала первый вариант.

– Он нашел ее.

– Нам остается только доказать это.

– А это возможно?

– Пока нам не удалось встретиться с доктором Касселлом. Естественно, он покинул Бостон наутро после убийства. Всю неделю он находится в командировке, а дома его ожидают не ранее чем завтра.

Риццоли поднесла к губам стакан с соком, и звон ледяных кубиков вызвал у Мауры нервную дрожь. Джейн поставила стакан на стол и какое-то время молчала. Казалось, она тянула время, но для чего? Маура не понимала.

– Вам нужно знать про эту Анну Леони еще кое-что, – сказала Риццоли. И кивнула на папку, лежавшую на столе. – Я принесла это для вас.

Маура раскрыла досье и вновь увидела до боли знакомое лицо. Перед ней была цветная копия с небольшой фотографии – такие обычно носят в бумажнике. Черноволосая девчушка с серьезным взглядом в окружении заботливо обнимающих ее пожилых мужчины и женщины.

– И я могла бы оказаться на ее месте, – тихо произнесла она.

– Фотографию Анна носила в своем портмоне. Мы полагаем, что ей здесь лет десять, а это ее родители, Рут и Уильям Леони. Их обоих уже нет в живых.

– Это ее родители?

– Да.

– Но... они такие старые.

– Да. Матери, Рут, на этой фотографии шестьдесят два года. – Риццоли немного помолчала. – Анна была их единственным ребенком.

Единственный ребенок. Пожилые родители. «Я знаю, к чему она клонит, – подумала Маура. – И боюсь того, что она собирается сказать. Собственно, поэтому она и пришла сегодня. Дело не в Анне Леони и не в ее агрессивном любовнике; боюсь, у нее в запасе более интригующие новости».

Маура взглянула на Риццоли:

– Ее удочерили?

Риццоли кивнула:

– Госпоже Леони исполнилось пятьдесят два, когда родилась Анна.

– Старовата. В агентствах по усыновлению таких обычно не рассматривают.

– Вот поэтому они, вероятно, и организовали частное удочерение, через адвоката.

Маура подумала о своих родителях, уже покойных. Они тоже были немолоды, обоим далеко за сорок.

– Что вы знаете о своем удочерении, доктор?

Маура глубоко вздохнула:

– После смерти отца я нашла документы по удочерению. Все было оформлено через здешнего, бостонского адвоката. Несколько лет назад я позвонила ему, чтобы узнать имя своей биологической матери.

– И он назвал его?

– Нет, он сказал, что мои документы опечатаны. И отказался давать информацию.

– И вы оставили попытки?

– Да.

– Имя адвоката Теренс Ван Гейтс?

Маура лишилась дара речи. Не нужно было отвечать на вопрос; она знала: Риццоли прочтет ответ в ее изумленном взгляде.

– Откуда вы знаете? – спросила Маура.

– За два дня до смерти Анна зарегистрировалась в отеле «Тремонт» здесь, в Бостоне. Из своего номера она сделала два телефонных звонка. Один – детективу Балларду, которого в городе в

тот момент не оказалось. Второй – в адвокатскую контору Ван Гейтса. Мы не знаем, зачем она хотела с ним связаться, он до сих пор так и не перезвонил мне.

«Вот сейчас все и выяснится, – подумала Маура. – И я узнаю, почему она здесь, у меня в кухне».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ТЕСС ГЕРРИТСЕН

В жанре остросюжетного детектива
вряд ли найдется второй такой
талантливый автор.

Ли Чайлд

ДВОЙНИК

Герритсен умеет создавать запоминающихся героев и загадочные сюжеты,
которые, невзирая на кажущуюся простоту, достаточно сложны и запутанны.

The Washington Post

Примечания

1

«Ле Аль» – самый большой торговый центр Парижа. *(Здесь и далее примеч. ред.)*

[Вернуться](#)

2

Популярная в англоязычных странах игра: водящий загадывает слово, а участники пытаются отгадать его при помощи вопросов, на которые можно ответить «да» или «нет».

[Вернуться](#)

3

Здравствуй! *(фр.)*

[Вернуться](#)

4

Имеется в виду так называемое «предупреждение Миранды»: «Вы имеете право хранить молчание; все сказанное вами может быть использовано против вас; вы имеете право на присутствие на допросе адвоката, и если вы не можете позволить себе нанять адвоката, то он будет вам предоставлен». Полицейские США обязаны оглашать эту формулу при совершении ареста.

[Вернуться](#)